

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
Тезисы докладов международного научного семинара
(13 мая 2020 г.)**

Екатеринбург 2020

УДК 811.1/8
ББК 81.1
А42

А42 Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тезисы докладов международного научного семинара / Под ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург: Издательский Дом "Ажур", 2020. 72 с.
ISBN 978-5-91256-482-6

УДК 811.1/8
ББК 81.1

Подписано в печать 08.05.2020.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,9. Тираж 50 экз.
Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур».
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54, тел. (343) 350-78-28.
E-mail: azhur.ek@mail.ru, <http://www.ajur.ur.ru>
Заказ № 08/05-1.

ISBN 978-5-91256-482-6

© УрФУ, 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

Байнова В. Ю. Оценочность в биографическом нарративе о Николае II в журналистских радиотекстах	5
Бектешева А. В., Темникова Е. И. Способы реализации стратегии дискредитации в англоязычном политическом дискурсе	6
Бородина Н. В., Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация аксиологем в английском поэтическом тексте и его переводе (на материале «семейных» ценностей в стихотворении С. Плат «Утренняя песня»).....	7
Бортников В. И., Васильева А. Н., Удинцева Я. О. Эквиритмичность русских переводов LXXIV сонета Шекспира: к проблеме стихового размещения метафор смерти	11
Вепрева И. Т. Убеждение, уговоры, угрозы в семейном общении: или как матери уговаривают ребенка поестъ	15
Вепрева И. Т. Семантика противительности в утверждении «не политика, а...» как основа для создания метафор с отрицательной оценкой	18
Габибли Г. Б. Эвфемизмы в русском, английском и азербайджанском политическом дискурсе	20
Гертнер Е. В. Ценности гламурной культуры и их трансляция в медиадискурсе	21
Данилов С. Ю. Приказываю, прошу, советую, требую: речежанровые конвенции семейного общения	22
Дао Динь Тхао. Молчание в зеркале русской фразеологии: аксиологические оценки	24
Жукова О. В. Аксиологический потенциал прецедентных газетных заголовков	26
Ицкович Т. В. Грамматическое выражение просьбы в личных молитвах о семье	27
Ицкович Т. В., Чэн Ц. Метафора в жанре очерка	29
Келер А. И. Способы экспликации хвалебной интенции в новоапостольских молитвах	31
Купина Н. А. Аксиологическое содержание любительских календарных стихотворений жителей уральской провинции	32
Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическое освоение новой реальности	34
Малькова Я. В. Социальный код в лексике со значением неприязни (на материале говоров русского севера)	36
Матвеева Т. В. В отсутствие оценочной лексики (на материале речевой тактики заботы)	37

Михайлова О. А. Аксиологический потенциал русских устойчивых сравнений	40
Михайлова О. А. Конструкция <i>если что</i> в разговорной речи	41
Михайлова Ю. Н. Кто / что делает нашу жизнь «токсичной»?.....	42
Михайлова Ю. Н. Метафоры «медведь» и «панда» в российских СМИ	44
Овчинников Ю. Е. Язык текстов Ивана «Noize MC» Алексева: эстетическая и аксиологическая составляющие	46
Одинцова Е. А. Текст как ценность гуманитарных наук.....	47
Пикулева Ю. Б. К проблеме инвентаризации метафорических моделей в экономическом дискурсе	48
Пикулева Ю. Б. Коммуникативы на базе религионимов: лингвоаксиологическая интерпретация	51
Пономарчук Ю. В. Влияние государственной идеологии на перевод (на примере переводов романа Дж. Д. Сэлинджера “The catcher in the rye”)	53
Рядовых Н. А. Экспликация ценности <i>здоровье</i> в жанре акафиста.....	54
Светлакова Е. Ю. Ценностный потенциал современной рок-поэзии (на материале текстов уральской группы «Сансара»).....	56
Сысоева В.С. Аксиологический аспект реализации концепта «любовь» в русской фразеологической картине мира	57
Сюй Линьлинь. Аксиологические аспекты исследований фразеологизмов с названиями насекомых в русских и китайских языках	59
Удинцева Я. О., Киндлер Е. А. Формирование мотивации к изучению иностранного языка у обучающихся младшей школы с учетом их ценностных ориентаций	60
Устюжанина Л. А. Лингвоаксиологический взгляд на рекламные посты в социальной сети Instagram.....	62
Файзуллова М. Р. Оправданность использования эвфемизмов в политико-публицистическом дискурсе.....	64
Цинь Сяюй. Аксиологически значимые номинации в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой».....	65
Чэн Цзяоцяо. Изучение очерков В. М. Пескова в аксиологическом аспекте	66
Шалина И. В. Метафорическое опредмечивание как риторический прием.....	68
Яо Цзясуй. Аксиологическое пространство фразеологических единиц с компонентом <i>грязь</i>	71

ОЦЕНОЧНОСТЬ В БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ О НИКОЛАЕ II В ЖУРНАЛИСТСКИХ РАДИОТЕКСТАХ

Интерес к российским правителям, при которых произошли значимые изменения в стране, по сей день поддерживается журналистами. Одним из наиболее ярких и обсуждаемых монархов является Николай II, который был последним Императором Российской Империи (в 2017 году исполнилось 100 лет со дня его отречения) и вместе со своей семьей стал жертвой жестокой расправы в 1918 году. Личность Николая II ассоциируется с такими катастрофами в истории России, как «Ходынка», «Кровавое воскресенье», первая русская революция 1905-1907 годов и восстание, вспыхнувшее из-за неудач в Первой Мировой войне. Цель нашего исследования – выявить оценочные смыслы в радиотекстах, посвященных Николаю II.

Деятельность главы государства в дискурсе СМИ неизменно политизируется, а ее интерпретация зависит от редакционной политики того или иного издания. Поэтому в качестве источника материала нами были использованы программы информационных патриотических радиостанций «Звезда» и «Радио России», православной радиостанции «Вера», а также оппозиционных радиостанций «Эхо Москвы» и «Коммерсантъ». Выбор радиостанций обусловлен различиями в их идеологической направленности.

Анализ смыслов и лингвистических маркеров показал, что идеологическая концепция радиостанции играет важную роль при оценке Николая II в биографическом нарративе.

Положительной оценкой окрашены следующие события, представленные на религиозной радиостанции «Вера»: женитьба Николая II на Алисе Гессен-Дармштадтской, рождение детей. Такую же оценочность обнаруживаем в описании празднования 300-летия царствования дома Романовых на патриотическом радио «Звезда».

Единогласно отрицательно как трагическое событие оценивается расстрел царской семьи в текстах, опубликованных на идеологически разных радиостанциях «Вера» и «Коммерсантъ».

Разную оценку получает правление Николая II в период Первой мировой войны, принятие им верховного командования и его отречение от престола в текстах, опубликованных на радио «Вера», патриотическом радио «Звезда», «Радио России» и оппозиционном «Эхо Москвы».

На «Радио России» в рамках одного текста, посвященного давке на Ходынском поле, представлены разные оценки.

Бектешева А. В.

магистрант

Темникова Е. И.

магистрант

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Целью данного исследования является выявление и анализ способов реализации стратегии дискредитации в англоязычном политическом дискурсе. На примере недавних политических событий в докладе рассматривается стратегия дискредитации и соответствующие ей тактики в англоязычном политическом дискурсе.

Стратегия дискредитации является одной из наиболее эффективных стратегий для подрыва имиджа оппонента, умаления его заслуг и достижений в глазах общественности. Для достижения коммуникативной цели адресантом чаще всего используются тактики обвинения, оскорбления и издёвки. Реализации данной стратегии способствуют использование метафор с негативной оценочностью, приемы сарказма и иронии [Иссерс 2008].

В настоящее время взаимоотношения России и Америки уделяется огромное внимание как со стороны населения двух стран, так и со стороны СМИ. Эта заинтересованность возросла в предвыборный период в США, когда на пост президента Америки претендовали два сильнейших кандидата: Хилари Клинтон (от либеральной партии) и Дональд Трамп (от партии республиканцев). Выиграв выборы, Д. Трамп «подвергся» еще более пристальному вниманию со стороны либералов, СМИ, западных аналитиков, а также голосовавшего за него народа. В этот период были ярко выражены все основные тактики дискредитации. Для их изучения из онлайн-ресурсов “Shareblue” (“The American Independent”) и “The Hill” были отобраны около 100 контекстов. В докладе анализируются некоторые из них:

“This would be unprecedented if Spicer had not, in fact, done it once before. In March, Spicer was asked about Trump’s apparent violation of his murky and meaningless promises to separate himself from the business...” [Christopher 2017]. Слова с негативной коннотацией в данном высказывании позволяют распознать обвинение в бессмысленных речевых действиях, обещаниях Д. Трампа. Это может скорректировать мнение читателя о нем.

“Our two finalists for election to the presidency of the United States are reacting to their respective loss and victory the same way that the 6-year-old kids I coach in soccer sometimes do” [Gallo 2017]. В данном высказывании используется сравнение, с помощью которого автор высмеивает поведение двух политиче-

ских лидеров, словно показывая читателю их несостоятельность. Тем самым автор значительно подрывает авторитет кандидатов на пост президента.

Приведенные примеры дают представление о том, в чем заключается стратегия дискредитации, какие приемы и тактики принято использовать в англоязычном политическом дискурсе для ее реализации.

ИСТОЧНИКИ

1. *Christopher T.* This is not normal: Spicer outsources White House ethics questions to The Trump Organization [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://americanindependent.com/this-is-not-normal-spicer-outsources-white-house-ethics-questions-to-the-trump-organization/>.

2. *Gallo A.* It's time for Clinton – and Trump – to shut up about 2016 already [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/presidential-campaign/331843-its-time-for-clinton-and-trump-to-shut-up-about-2016>

ЛИТЕРАТУРА

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Бородина Н. В.

магистрант

Бортников В. И.

доцент

КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕКСТОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ АКСИОЛОГЕМ В АНГЛИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И ЕГО ПЕРЕВОДЕ (на материале «семейных» ценностей в стихотворении С. Плат «Утренняя песня»)*

Актуальность лингвотекстовых исследований в современной гуманитаристике не вызывает сомнений. «Текстовый бум» [Гиндин 1995: 126], отмеченный С. И. Гиндиным ещё в 1995 г., кажется, только продолжает набирать обороты. Лингвистические методики анализа текста (в частности, категориальная) дали ощутимо новые результаты в стилистике, коллоквиалистике, лингвопрагматике, теории речевых жанров, переводоведении (см., в частности: [Матвеева 1990,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

2000, 2013; Ицкович 2007, 2016; Бортников 2015] и мн. др.). Обращается к категориальному методу и лингвоаксиология: «Теория текстовых категорий, уже получившая практическое применение, может быть положена в основу смыслового фрагментирования... речи, в том числе аксиологического. Ценностный фрагмент будет выделяться в опоре на категории темы и тональности» [Матвеева 2019: 41].

Данный доклад посвящен изучению функционирования отмеченных Т.В. Матвеевой опорных категорий, позволяющих идентифицировать аксиологемы и соответственно этому фрагментировать текст в одном из стихотворений С. Плат (1932–1963). Имя этой поэтессы известно в мировой литературе благодаря направлению «исповедальной поэзии», концентрировавшемуся на поэтическом «Я» и направленному на фиксации эмоций в кризисные моменты существования пишущего субъекта (роды, депрессия, смерть, тяжёлые взаимоотношения с близким человеком – вообще любая угроза жизни и здоровью «Я») [Герасимова 2007; Долгушина 2019]. Выбранным для анализа стихотворением “Morning Song” открывается опубликованный посмертно сборник “Ariel” (1965) – один из бестселлеров англо-американской поэзии XX в. К сопоставительному анализу привлечён перевод Я. Пробштейна (автора русской версии всего указанного сборника).

Анализируемый текст имеет чёткое композиционное членение – 18 строк делятся на 6 строф одинаковой длины, по 3 нерифмованных строки в каждой. Каждая строфа, кроме пятой, в оригинале заканчивается точкой:

*Love set you going like a fat gold watch.
The midwife slapped your footsoles, and your bald cry
Took its place among the elements.
Our voices echo, magnifying your arrival. New statue.
In a drafty museum, your nakedness
Shadows our safety. We stand round blankly as walls.
I'm no more your mother
Than the cloud that distills a mirror to reflect its own slow
Effacement at the wind's hand.
All night your moth-breath
Flickers among the flat pink roses. I wake to listen:
A far sea moves in my ear.
One cry, and I stumble from bed, cow-heavy and floral
In my Victorian nightgown.
Your mouth opens clean as a cat's. The window square
Whitens and swallows its dull stars. And now you try
Your handful of notes;
The clear vowels rise like balloons.*

В докладе выдвигается гипотеза о том, что строфическое деление стихотворения обусловлено разными аксиологемами, идентифицируемыми через выявление маркеров текстовых категорий темы и тональности. Сказанное становится видно при сопоставительном анализе с выбранным переводом Я. Пробштейна.

Первая строфа – описание собственно прихода человека в этот мир. Ты-цепочка (англ. *you*) закладывает адресатное отношение к главному герою: способ номинации новорождённого путём обращения к нему сохраняется на протяжении всего стихотворения:

*Любовь завела **тебя**, как толстые золотые часы.*

*Повитуха шлёпнула **тебя** по пяткам, и **твой** голый крик*

Вписался в стихи.

Аксиологема любви соединяется со смыслом ‘незащищённости’, ‘оголённости’ нового человека, занимающего своё место среди первоэлементов стихий. Эти смыслы поддерживаются во второй строфе – единственной, где присутствует микротема *мы*:

***Наши** голоса вторят эхом, усиливая твой приход. Новая статуя.*

В продуваемом сквозняком музее твоя нагота

*Оттеняет **нашу** безопасность. **Мы** окружаем тебя, как голые стены.*

Коллективное (вероятно, семейное) *мы* находится с новорождённым *ты* в отношениях противопоставления и при этом включения. *Сквозняк, нагота, статуя в музее* задают, мягко говоря, не самую мажорную тональность. Однако семья призвана оградить нового человека – хотя и *голые*, но всё же *стены*.

Третье трёхстишие отражает тематический переход к материнскому «Я»:

***Я** не более **мама** твоя,*

Чем туча, которая очищает зеркало, чтобы оно отразило,

Как рука ветра медленно стирает её.

Метафора «мать – туча» получает аксиологически наполненное развёртывание: *туча очищает зеркало* (водное? морское?), чтобы в нём отразился конец существования самой тучи, – так же и мать даёт новую жизнь, очищает для неё дорогу, чтобы затем умереть на глазах (или в глазах) потомка. Тем самым в художественном сознании поэтессы интерпретируется преемственность жизни, ценная в том числе за счёт своей неизбежности.

Аксиологема ‘отсутствие сна по ночам’, ‘ночные бдения при новорождённом’ отражается через эмоционально маркированные сравнения следующих трёх строк:

*По ночам **твоё** дыханье мотылька*

*Мерцает среди плоских розовых роз. **Проснувшись, слышу:***

*Дальнее море рокошет в **моих** ушах.*

Тематическая маркировка третьего и четвёртого трёхстиший позволяет увидеть аксиологически значимую разницу и здесь. Если выше мы имеем межпоколенческое совмещение (*мама твоя*), то здесь субъект *я* (мама) и субъект *ты* (новорождённый) существуют отдельно: ночь, уход в сон естественным образом разъединяет всех. Так с темой и тональностью переплетается художественное время – важнейшая категория в стихотворении, посвящённом рождению ребёнка.

*Один вскрик, и я, спотыкаясь, встаю с кровати, по-коровьи тяжело
В цветастой викторианской ночнушке.*

Твой ротик открывается опрятно, как у кошки.

Пятая композиционная часть – вновь воссоединение матери и ребёнка наяву, кормление грудью. Ночь окончена, наступает утро, и мать снова вся растворяется в младенце – в заключительном трёхстишии мы не находим ни одной номинации Я-субъекта, хотя вся картина по-прежнему описывается с его (вернее, её) точки зрения:

Квадрат окна белеет и глотает поблекшие звезды. И теперь

Ты пробуешь пригоршню нот:

Твои чистые гласные взлетают, как шарик.

Итак, важнейшая «семейная» ценность – рождение ребёнка – получает в интерпретации Сильвии Плат оригинальное лингвоспецифическое воплощение. Через метафоры («человек – часы», «жизнь – дорога»), через оппозиционное размещение категориальных маркеров («нагота – безопасность», «ночь – утро») идентифицируется смысл всего стихотворения (ср. заголовок): песня-крик ребёнка знаменует начало нового дня и одновременно новой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бортников В. И.* Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

2. *Герасимова Е. К.* Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х – начало 60-х гг.): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007.

3. *Гиндин С. И.* Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. С. 125–126.

4. *Долгушина А. А.* Аллюзии в англоязычном художественном дискурсе (на примере исповедальной поэзии С. Плат) // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сб. науч. ст. Челябинск : Энциклопедия, 2019. С. 31–37.

5. *Ицкович Т. В.* Православная проповедь как тип текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

6. *Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016.

7. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

8. *Матвеева Т. В.* Фактор иерархии в категориальной структуре разговорного текста // Русский язык сегодня. 2000. № 1. С. 322–329.

9. *Матвеева Т. В.* По средней линии // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1 (1). С. 153–164.

10. *Матвеева Т. В.* Лингвистика текста и аксиология разговорного диалога // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург : Ажур, 2019. С. 40–42.

Бортников В. И.

доцент

Васильева А. Н.

магистрант

Удинцева Я. О.

магистрант

ЭКВИРИТМИЧНОСТЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ LXXIV СОНЕТА ШЕКСПИРА: К ПРОБЛЕМЕ СТИХОВОГО РАЗМЕЩЕНИЯ МЕТАФОР СМЕРТИ*

Текстовая категория (ТК) определяется в современных научных изданиях как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определённой части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [Матвеева 2014: 669]. Из четырёх параметров описания текстовой категории: «а) набора языковых составляющих; б) комбинаторики языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения ТК; в) размещения сигналов ТК в пространстве текста; г) текстовой значимости различных типов языковых составляющих (определяется на основании частотности типов, а также их представленности в сильных позициях текста)» [Купина, Матвеева 2013: 118] наибольшую проблему при количественном (стилостатистическом и т. д.) анализе представляет размещение. Если набор, комбинаторика и сильные пози-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

ции поддаются элементарному арифметическому подсчёту, то для количественной интерпретации размещения приходится вводить дополнительный субпараметр. В диссертации В. И. Бортникова [2015] таким субпараметром стали именно сильные/слабые позиции, совпадающие либо не совпадающие в оригинале и переводе. В рамках данного доклада, также связанного с поэтическим переводом (т. е. художественной интерпретацией стихотворного произведения на другом языке), предлагается определять размещение на основе стихотворного метра – «самой общей схемы звукового ритма стиха, т. е. предсказуемого появления определённых звуковых элементов на определённых позициях» [Гаспаров 1987: 219].

Введём понятие эквиритмичности. Если эквиритмия – «точная передача переводчиком ритмических особенностей каждого отдельного стиха перевода» [Словарь иностранных слов 1983: 572], т. е. переводческая стратегия, то эквиритмичность – характеристика самого перевода, степень сохранения в нём ритмических позиций каждого отдельного значимого элемента. Определение эквиритмичности перевода оригиналу позволяет разграничить «размещение» и «представленность языковых составляющих в сильных позициях» (см. выше). В самом деле, сильные позиции стихотворного произведения (как и любого другого) – это начало и конец речевого отрезка (предложения, строки, строфы, целого текста), заголовок и т. д.; размещение же слова или иной единицы речи в том или ином ритмически предсказуемом месте (в случае со стихом – в той или иной стопе) может быть сильным или слабым, т. е. находится с предыдущим параметром в отношениях пересечения. Думается, что это разграничение распространяется и на нестихотворные речевые произведения: по словам Т. В. Матвеевой, «вся наша речь подчинена законам ритма. Ритмические, а точнее, ритмомелодические средства способны самостоятельно служить прагматическим целям говорящего, нести в себе психологические смыслы, передавать нюансы состояния коммуниканта и его отношения к собеседнику» [Матвеева 2014: 503].

Материалом для эквиритмического анализа послужил LXXIV сонет У. Шекспира, известный в истории и теории перевода двумя фактами: это один из немногих сонетов, переведённых на русский язык Б. Пастернаком (и единственный переведённый им после войны) [Первушина 2004], и это сонет, на примере которого Л. С. Бархударов одним из первых продемонстрировал возможность текстовой эквивалентности, правда, на уровне языковых оснований [Бархударов 1969: 8–9].

Тема выбранного сонета – нетленность поэтических произведений в отличие от быстротечности жизни и смертности поэта: *В моих стихах вернусь я к жизни снова, / И в памяти останусь я с тобой* (пер. М. Чайковского). Текст-

вая категория темы репрезентируется через субъектные цепочки «я» и «ты» (лирического субъекта и адресата – как и во многих других сонетах) и предметные цепочки «творений» и «смерти». В логике поэтических иносказаний номинации обоих предметов речи выявляются крайне трудно: о «стихотворениях» поэт говорит лишь в стихах 3–5 оригинала, после чего переходит к мысли о живущем в них духе (англ. *spirit*) и о крайне скудных *останках жизни (dregs of life)*, сохраняющихся помимо лирических произведений. Воспользуемся, однако, замечанием И.А. Русовой о том, что, «как показывает специальный анализ, для Шекспира особенно характерно использование в сонетах морбиальных метафор» [Русова 2007: 86], т. е. метафор, включающих компонент смерти (в качестве сопоставляемого или объекта сопоставления). Упоминание о смерти может быть метафорическим, а значит, и тематическая цепочка, и тематическое поле «смерть» оказываются куда более широкими, чем просто прямые номинации типа *dead* («мёртвый») и подобные.

Именно это поле, включающее метафорические номинации смерти, и было подвергнуто эквиритмическому анализу в переводах С. Маршака, М. Чайковского, А. Финкеля и Б. Пастернака. Ниже приведена модель сопоставления.

Приведём первые две строки сонета с разметкой ритма ($\underline{\quad}$ – обозначение ударного слога, — – безударного; дефисы указывают на разрывы внутри слов):

— <i>But</i>	$\underline{\quad}$ <i>be</i>	— <i>con-</i>	$\underline{\quad}$ <i>ten-</i>	— <i>ted</i>	$\underline{\quad}$ <i>when</i>	— <i>that</i>	$\underline{\quad}$ <i>fell</i>	— <i>ar-</i>	$\underline{\quad}$ <i>rest</i>
— <i>With-</i>	$\underline{\quad}$ <i>out</i>	— <i>all</i>	$\underline{\quad}$ <i>bail</i>	— <i>shall</i>	$\underline{\quad}$ <i>car-</i>	— <i>ry</i>	$\underline{\quad}$ <i>me</i>	— <i>a-</i>	$\underline{\quad}$ <i>way...</i>

Идею смерти здесь передают речевые отрезки *that fell arrest* (букв. ‘тот арест упадёт’) и *shall carry me away* (букв. ‘унесёт меня прочь’). У каждого из них есть свой ритмический рисунок (у первого: $\underline{\quad} \text{—} \underline{\quad}$, у второго: $\text{—} \underline{\quad} \text{—} \underline{\quad}$).

Попытка поиска аналогов во всех четырёх переводах даёт следующие результаты (полужирным выделены соответствия английским речевым отрезкам, передающим идею смерти):

- (1) Когда меня **отправят под арест**
Без выкупа, залога и отсрочки... (пер. С. Маршака)
- (2) Покоен будь. Когда **приказ суровый**
Бесследно **унесёт меня долой**... (пер. М. Чайковского)
- (3) Но не ротици, когда **последний суд**
Меня засудит, не дав мне отсрочки... (пер. А. Финкеля)

(4) *Но успокойся. В дни, когда в острог*
Навек я смерть буду взят под стражу... (пер. Б. Пастернака)

Во всех переводах, кроме (1), переданы оба речевых отрезка, причём в переводе (4) вербализовано понятие *смерть*. В переводе (1), таким образом, эквиритмичность рассчитывается лишь по первому отрезку и составляет 25 % (схема $\underline{\quad} \quad \underline{\quad}$ увеличена ровно вдвое, т. е. сохранена на 50 %, которые усредняются с 0 % несохранённого второго отрезка). В переводе (2) *приказ суровый* эквиритмично *fell arrest* на $3/5$ (60 %), а *унесёт меня долой* по отношению к *shall carry me away* – на $6/7$ (т. е. на $\approx 85,71$ %). В переводе (3) первый отрезок эквиритмичен оригиналу на $3/4 = 75$ %, а второй – на $5/6$ (т. е. на $\approx 83,33$ %). В переводе (4) эквиритмичность сильно страдает из-за укорочения первого отрезка (на $1/3$, т. е. на $\approx 33,33$ %) и удлинения второго (на $2/6$, т. е. на те же $\approx 33,33$ %). Однако при удлинении эквиритмичность рассчитывается, как и в предыдущих случаях, путем деления исходного числа слогов на итоговое и составляет, таким образом, $6/8 = 75$ %.

По каждому переводу данные можно усреднить, как это сделано в первом случае. Наиболее эквиритмичным по категории темы для данных двух строк оказывается, таким образом, перевод А. Финкеля, что ещё раз показывает: параметр эквиритмичности не зависит напрямую от перестановок в границах одного стиха.

Полученные данные в ходе анализа всего сонета по всем категориям, естественно, дадут более точные результаты, что и планируется интерпретировать в ходе доклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархударов Л. С.* Уровни языковой иерархии и перевод (на материале перевода с английского языка на русский) // Тетради переводчика. Вып. 6. М. : Межд. отн., 1969. С. 3–12.
2. *Бортников В. И.* Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
3. *Гаспаров М. Л.* Метр // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 219–220.
4. *Купина Н. А., Матвеева Т. В.* Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2013.
5. *Матвеева Т. В.* Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2014. С. 669–671.

6. *Матвеева Т. В.* К вопросу о коммуникативной многозначности ритмо-мелодических речевых единиц // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Л. А. Закс, Л. А. Мясникова, А. П. Семитко и др. Екатеринбург : Гум. ун-т, 2014. С. 503–506.

7. *Первушина Е. А.* О принципе драматизма в поэтическом переводе Б. Пастернака 74-го сонета Шекспира // Вопросы филологии. 2004. № 2 (17). С. 108–114.

8. *Русова И. А.* Концептуальные метафоры в сонетах В. Шекспира и их переводах на русский язык // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 15 (87). С. 86–88.

9. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стер. / [гл. ред. Ф. Н. Петров]. М. : Рус. яз., 1983.

Вепрева И. Т.
профессор

УБЕЖДЕНИЕ, УГОВОРЫ, УГРОЗЫ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ: ИЛИ КАК МАТЕРИ УГОВАРИВАЮТ РЕБЕНКА ПОЕСТЬ*

Для общения взрослого с ребенком обычно характерен асимметричный речевой контакт: взрослые стремятся всегда управлять его поведением, передавая младшим членам семьи свой жизненный опыт. Общение взрослого с ребенком характеризуется определенным репертуаром речевых жанров, которые могут быть объединены императивной тональностью взрослой речи [Никитина, Данилова 2014].

Выбранный объект исследования – речевое поведение взрослых (матери, бабушки, няни) в типичной повседневной ситуации кормления ребенка [Kahari 2013]. Проблема пищевого насилия – принудительного закармливания детей – проблема психологического характера, которая кроется в сложившихся предрассудках взрослых. Она серьезно рассматривается в специальной литературе, и современный подход к проблеме формирует в сознании современных родителей новую пищевую культуру ребенка. Но мы, не затрагивая психологических аспектов данной ситуации, обратимся к анализу знакомых каждому носителю языка фраз, которые произносят настойчивые родители. Этот набор типовых высказываний укладывается в рамки трех жанровых разновидностей, вынесен-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

ных в название тезисов, – речевых жанров «убеждение», «уговоры», угрозы», которые по своей природе наилучшим образом приспособлены к этим задачам. Цель нашего исследования – выявить ценностный компонент этих стереотипных высказываний, показать, каковы аксиологические основы стратегии убеждающей речи взрослого в ситуации кормления. Сразу оговоримся, что мы оставляем в стороне родительские тактики отвлекающего характера типа *Посмотри, вон самолетик летит*, которые не входят в поле наших наблюдений, поскольку не имеют ценностной основы.

Самый главный признак жанра «убеждение» – это характер аргументации. В этом жанре аргументы, приводимые взрослым, сводятся к указаниям на то, что ожидаемое действие (т.е. процесс поглощения пищи ребенком) соответствует общепринятым обычаям и нормам: *Посмотри, какой Вова молодец, все съел быстро!*; *Мы все в обществе чистых тарелок, ничего не оставляем*. Прививаемая взрослыми ценностная установка – «надо подражать хорошему, учиться у тех, кто лучше тебя».

В отдельную подгруппу внутри данной группы аргументов можно выделить случаи убеждения, «аргументация в которых указывает на необходимость действовать в интересах других людей (и даже шире – живых существ), особенно если они обладают положительными качествами» [Федосюк 1996: 90]. В основе хрестоматийной формулы убеждения в процессе еды – *Съешь за маму / папу / бабушку* и др. – лежит привитие ценностной установки «нужно глубоко уважать и безмерно любить старших членов семьи».

Следующим аргументом является указание на то, что полностью съеденная каша, суп и другая предлагаемая пища принесет ребенку пользу. Смысловая модель данного аргумента – «съешь – получишь положительный для себя результат», например: *Если будешь хорошо кушать, вырастешь большим / здоровым / крепким*. Прививаемая взрослыми ценностная установка – «чтобы быть здоровым, надо хорошо питаться».

Самый главный признак жанра «уговоры» – наличие эмоциональных аргументов у говорящего: в основе лежит только желание говорящего, чтобы действие было совершено: *Если любишь маму / папу / бабушку, то съешь кашу / суп* и др. Ценностная установка – «надо любить маму и принимать во внимание ее желания и просьбы».

Признаком уговоров являются аргументы, направленные на формирование у ребенка чувства ложного стыда за свое мнимое нежелание съесть то, что предлагают: *Съешь кашу / суп, ведь мама так старалась, варила / готовила / устала*. В этом случае приводимый аргумент носит демагогический характер, поскольку данная аргументация свидетельствует только о том, что упоминае-

мое действие должно быть выполнено исключительно в интересах взрослого. Ценностная установка – «надо любить маму и ценить ее труд и заботу».

Манипулятивный характер носят уговоры, когда взрослый использует косвенное побуждение с семантикой условия или обещания: *Съешь кашу – получишь конфету / мороженое, пойдешь гулять / будешь смотреть телевизор* и др. Ценностная установка – «удовольствие является одним из благ счастливой жизни».

Признаком уговоров можно считать подмену аргументации эмоционально окрашенными повторами одного и того же побуждения: *Ну съешь, пожалуйста, еще ложечку, ну съешь, пожалуйста*. Ценностная установка – «еда является важным компонентом жизни человека».

Жанр **угрозы** включает «высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-либо действие» [Стексова 1997: 6]. Смысловая модель жанра угрозы – «ешь, а то в противном случае тебе будет плохо», например: *Если не съешь кашу – любить не буду / из-за стола не выйдешь / все съест другой / не пойдешь гулять / не будешь смотреть телевизор*. Ценностная установка – «еда является важным компонентом жизни человека». Неприятие этой установки может привести к печальным последствиям в жизни человека.

Жанры «убеждение» и «угрозы» носят взаимозаменяемый характер. Две смысловые модели «съешь – получишь положительный для себя результат» и «ешь, а то в противном случае тебе будет плохо» являются синонимическими, но с прогностическими смыслами противоположного характера, ср.: *Если съешь кашу, вырастешь большим / Ешь кашу, а то не вырастешь; Если съешь кашу, дам мороженое / Если не съешь кашу, мороженого не получишь*. Выбор тактик убеждающего или угрожающего характера остается за родителями и определяет степень императивной тональности в общении взрослого и ребенка.

Подведем итоги. Семейная повседневная ситуация кормления ребенка приобретает ценностно-символический характер. Пища – это один из объектов, «которые люди переживают как простую функцию, тогда как сами же делают из него знак» [Барт 2003: 370]. Члены общества наделяют пищу особыми ценностями, связанными с нравственными нормами, со здоровьем, с любовью к семье и близким людям. Еда в сознании людей имеет важное значение для долгосрочного здоровья, питание является важным компонентом для здорового роста и развития детей. Мать / бабушка через «накормить» выражают любовь, привязанность, заботу к другим, чаще младшим членам семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* К психосоциологии современного питания // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 366–377.
2. *Никитина Л. Б., Данилова О. Л.* Императивная тональность общения с ребенком // Славянские чтения : мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред.: Т. П. Рогожникова, М. А. Харламова. Омск : Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2014. С. 150–156.
3. *Стексова Т. И.* Угроза как речевой жанр // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : «Колледж». 1997. Вып. 1. С. 6–7.
4. *Федосюк М. Ю.* Комплексные жанры разговорной речи : «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : АРГО, 1996. С. 73–94.
5. *Kahari L.* Persuasive discourse strategies used by mothers at dinner time to persuade children to eat // International journal of language and linguistics. 2013, № 1(4). PP. 191–198.

Вепрева И. Т.
профессор

СЕМАНТИКА ПРОТИВИТЕЛЬНОСТИ В УТВЕРЖДЕНИИ «НЕ ПОЛИТИКА, А...» КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ МЕТАФОР С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКОЙ*

Семантика противительности носит синкретичный характер. Выражая объективную идею противопоставления, она может трансформироваться в субъективную идею, предусматривающую обязательное включение оценки. «Семантика противительности сформировалась в языке именно с этой конкретной целью – целью выражения равнодушного отношения к объекту» [Милованова 2019: 639].

В противопоставлении «не политика, а...» субъективное отношение формируется логической последовательностью: в первом компоненте содержится исходная посылка, с которой говорящий не согласен. Это утверждение находится в пропозиции. Второй из противопоставленных компонентов маркирует коммуникативно важное сообщение и окрашивается субъективной модальностью. За этим компонентом стоит коммуникативно выделенная позиция говорящего.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

В нашем докладе будет рассмотрено противительное утверждение «не политика, а...» с целью анализа вторых компонентов устойчивой модели, представляющих собой пейоративную метафорическую характеристику политической деятельности.

Иллюстративно представим перечень рассматриваемых противительных утверждений:

Когда убивают таких замечательных людей, это уже не политика, а какая-то грязная яма (АиФ; 11.08.2004); *Не политика, а сумасшедший дом* (АиФ; 23.01.2013); *Он считает, что это не политика, а чистая уголовщина* (Профиль; 12.01.1998); *Не политика, а суицид театр абсурда* (Новая газета; 17.12.2007); *В России не политика, а пьлитика!* (Комсомольская правда; 03.09.2003); *Но это уже даже не политика, а из разряда оплаченных «свадебных шоу» типа «драку заказывали?»* (МК; 23.11.2004); *Получается, что это не политика, а просто шарлатанство* (Новые Известия; 15.07.2005).

Методом трансформации эти противительные высказывания можно перевести в класс утвердительных: *политика – это грязная яма / сумасшедший дом / чистая уголовщина / театр абсурда / пьлитика / свадебное шоу / шарлатанство*, получив таким образом набор метафор, негативно оценивающих политическую деятельность.

Субъективный взгляд современного носителя языка критически оценивает реальную политическую жизнь, связывая ее с неискренностью, обманом, имитацией политической жизни: *политика – это театр, свадебное шоу, шарлатанство, пьлитика* (ср. мотивирующую базу для создания окказионализма – фразеологический оборот *пускать пыль в глаза*), с неадекватными действиями, которые не соответствуют общепринятым нормам поведения в обществе: *политика – это сумасшедший дом, уголовщина, грязная яма*.

Таким образом, противительные утверждения используются для выражения субъективной позиции говорящего, которая демонстрирует возмущение нечистоплотной деятельностью политических деятелей, отрицание неблагоприятных поступков, совершаемых в политической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Милованова М. С. Семантика противительности и категория оценки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010, № 4 (2). С. 639–642.

ЭФЕМИЗМЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В докладе излагаются результаты аксиологического (лингвокультурологического) анализа материалов двух англоязычных газет (*The Washington Post* и *The Guardian*) и одного СМИ (*BBC News*), двух русскоязычных информационных каналов (*Russia today* и *Ura.ru*) и одной газеты (*Lenta.ru*), двух азербайджанских информационных порталов (*Axar.az* и *Haqqin.az*) и одной радиопередачи (*Azadliq Radiosu*). В качестве опорной методики анализа выбран предложенный М.А. Морозовым [Морозов 2017: 183] алгоритм описания устойчивых и воспроизводимых словосочетаний с незамкнутой структурой неидиоматического характера. Анализ нацелен на сопоставление эвфемистических словоупотреблений в текстах трех культур.

Следует отметить, что на сегодняшний день социальные рамки, которые накладывают ограничения на использование определенных слов и словосочетаний, постепенно становятся размытыми, и понятия, которые еще десятилетие назад казались непристойными, свободно входят в словарный состав языка. Что касается обычных эвфемизмов, то они не получают широкого распространения и вынуждены уступать место словам, которые они замещают [Вепрева 2008]. Однако сфера политики представляет собой широкий простор для использования эвфемистических наименований, которые способны замаскировать определенные факты действительности и представить ту или иную ситуацию в выгодном свете [Исакова, Михайлова 2019].

Такие английские слова, как *Asian, African-American, person of color, Inuit, indigenous person, member of the African Diaspora, Native American, alien, newcomer, Jewish person, tribe, Israeli, people* выступают в качестве наименований различных расовых и национальных групп, подчеркивают их самобытность и равноправный статус. Например, термин *коренной житель* употребляется вместо *индеец (Indian)*, термин *Jewish person* – вместо *Jew* ('еврей'), *people* – 'народ' вместо *tribe* (племя) и т. д.

В группу эвфемизмов сфер военных действий входят эвфемистические обороты, обозначающие государственные и военные тайны и секреты, к числу которых относятся производство оружия, определенных видов техники, социальный и численный состав учреждений (не только военных). Чаще всего в таких контекстах имеется в виду акция протеста, забастовка или митинг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева И. Т. «Я ненавижу это слово», или о конфликте между словом и человеком // *Slavica Helsingiensia*. 2008. Т. 34. С. 43–62.

2. *Исакова Е. А., Михайлова О. А.* Текстовая категория «событие» в современном репортаже // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3 (189). С. 81–91.

3. *Морозов М. А.* Устойчивые словесные комплексы в современной русской публицистике (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.

Гертнер Е. В.

аспирант

ЦЕННОСТИ ГЛАМУРНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ТРАНСЛЯЦИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Под медиадискурсом понимается «совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы (газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет)» [Клушина 2018: 31]. Один из популярных медийных каналов – YouTube. На нем журналисты размещают свои видеоматериалы разных жанров. Ксения Собчак выпускает на этой площадке авторское шоу «Осторожно, Собчак!». Шоу выходит в одном из двух форматов: интервью, когда приходит один гость, и «круглый стол», когда несколько человек обсуждают какую-то проблему.

К. Собчак, ведущая этого шоу, является носителем гламурной культуры и транслирует ценности этой культуры. Несмотря на попытки смены имиджа, образ светской львицы прочно за ней закрепился. Будучи автором гламурной прозы и главным редактором глянцевого журнала, она давала читателям советы о том, как стать своей в светской тусовке. Одним из условий попадания в «высший свет» был отказ от традиционных духовных ценностей в пользу материальных. Однако тех, кто последовал советам Собчак и других авторов и кому удалось соблюсти все формальные требования, светское общество отказывается принять. Это противостояние девушек, оказавшихся под влиянием массовой культуры, в продуктах которой транслировались гламурные ценности, и тех, кто считает себя элитой, заинтересовало Собчак как журналиста.

Одно из видео формата «круглый стол» называется «Инстаграмщицы VS Тяжелый люкс» (29.05.19 г, 4,6 млн просмотров) [Инстаграмщицы | Высший свет против девушек в купальниках]. Гости «Инстаграмщицы»: В. Одинцова, Д. Коновалова, В. Короткова. «Тяжелый люкс» (светские дамы): С. Георгиева, В. Шелягова, Н. Якимчик. Инфоповодом для встречи стало осуждение в СМИ, с которым столкнулись «Инстаграмщицы». Например, гляцевый журнал Tatler опубликовал статью с ироничным заголовком «Как девушки из инстаграма стали неотъемлемой частью светской жизни Москвы», на сайте Super.ru вышел

похожий материал: «”Люкс” против “нищобродов”»: как жены олигархов пошли войной против звезд Инстаграма».

В ходе дискуссии выявляются ценности гламурной культуры. Одна из них – успех. Инстаграмщицы измеряют успех количеством подписчиков в социальной сети. В. Одинцова с гордостью заявляет: *У журнала VOGUE охват 150 тысяч, у меня 4,8 миллиона, конечно бренды захотят со мной сотрудничать.* На что представители «люкса» отвечают: Н. Якимчик: *Количество не значит качество.*

Признается значимость брендов и брендовых вещей: К. Собчак: (смотря на этикетку пиджака «Инстаграмщицы») *Celine между прочим, а говорят нищоброды...* Д. Коновалова: *Так а я-то говорю, я люкс! Почему меня записали непонятно куда?*

Важная ценность – возможность быть приглашенной на статусные мероприятия, организованные брендами или глянцевыми изданиями. Но «девушки из инстаграма», которые могут купить аккредитацию на подобное мероприятие, лишают его высокого статуса. Находясь на светском мероприятии, необходимо следовать правилам этикета, которые не знакомы «Инстаграмщицам».

Таким образом, представители «люкса» стремятся к сохранению элитного статуса своего общества, недоступного для большинства. Девушек, которые вышли замуж за миллионеров, добились определенного успеха, приобрели брендовые вещи, купили приглашения на светские мероприятия, отказываются считать «своими», объясняя это тем, что у них другой круг общения, и они не знают правила этикета, принятые в гламурной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инстаграмщицы | Высший свет против девушек в купальниках [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=5LP3q6Pb_8Q
2. *Клушина Н.И.* Медиастилистика. М. : ФЛИНТА, 2018.

Данилов С. Ю.
доцент

ПРИКАЗЫВАЮ, ПРОШУ, СОВЕТУЮ, ТРЕБУЮ: РЕЧЕЖАНРОВЫЕ КОНВЕНЦИИ СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ*

Семейное общение хранит модели коммуникативного взаимодействия, присущие бытовой культуре. Несмотря на известную иерархичность русского

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

семейного общения, в первую очередь поколенческую, в гармоничном взаимодействии вырабатываются аксиологические приемы, обеспечивающие защиту личного пространства всех членов семьи.

Одним из доказательств высказанной гипотезы служит функционирование императивных речевых жанров в семейном общении.

Жанры приказа и требования не чужды семейному общению, хотя в записи разговорной речи проявляются чаще опосредованно: *Приходит / вот ему то подай / да помажь / да потри* [Шалина 2012: 52]; *[Вика, жен, 24, 1982] Не прям так / что / типа / приказываю и так далее / но просьба очень большая / практически уже зашкаливает за просьбу / Вадик / пожалуйста / дай возможность людям работать!* [НКРЯ; Разговор на работе (2006)]. Жанры просьбы и совета становятся своеобразным фундаментом коммуникации, так как открывают намерения говорящих, координируют социальные и позиционные роли в близком кругу, эксплицируют установку на взаимность, совместность решений и действий, характерную для гармоничного общения. Эта установка просматривается и в жанре воспоминания о конфликте: *Она ему / (Передразнивает) «Пойдём полюбезничаем!» // Ну вот и полюбезничали // Она ему грила (говорила) / «Давай / ты выпишешься / ко мне пропишешься // А када (когда) квартиру мы получим / ты можешь выписа[т'ся] и опять к матери прописа[т'ся]» // Вот так вот // Я грю (говорю) / «Ты выпишешься / а я умру и всё пропадёт / и останешься безо всего // И там выгонят / и здесь нет» // Вот // Ну так-то она ничё (ничего) девка-то* [Шалина 2012: 50].

Объединяет названные выше императивные жанры типичное неиспользование в гармоничном семейном общении форм первого лица единственного числа соответствующих глаголов в перформативном значении. Проверка по электронной базе данных И. В. Шалиной показывает отсутствие точных совпадений по запросам *приказываю, требую, советую*, точные совпадения по запросу *прошу* характерны для заявлений и писем носителей просторечия, адресованных в органы власти, а также для неперформативных, описательных употреблений: *Может / заявление написать / что «Прошу прописать ко мне / как сына»* [Шалина 2012: 59]; *Молитву? У мя (меня) записано // Прошу / прошу / то денег / мол / подбросить / то бутылку // Ну главное / норму / чтобы опохмелиться и всё / и больше не прошу // Ну ещё ни разу не было такого / чтобы не подал* [Шалина 2012: 65].

Речевые жанры приказа, совета, требования могут не опираться в гармоничном семейном общении на перформатив, так как прямая номинация жанра в силу своей определенности, категоричности ставит под сомнение воздействующий потенциал высказывания. Но отсутствие такого довода для жанра просьбы наводит на мысль об интерпретативной открытости речевых жанров

как аксиологической конвенции гармоничного семейного общения. Косвенное подтверждение находим в художественной литературе, где перформативы *приказываю* и *прошу* не противопоставляют речевые жанры, а используются в одном высказывании, сигнализируя очаг напряжения:

— *Бабушка! я не буду просить у него прощения ни за что... — сказал я, вдруг останавливаясь, чувствуя, что не в состоянии буду удержать слёз, давивших меня, ежели скажу ещё одно слово.*

— *Я приказываю тебе, я прошу тебя. Что же ты?*

— *Я... я... не... хочу... я не могу, — проговорил я, и сдержанные рыдания, накопившиеся в моей груди, вдруг опрокинули преграду, удерживавшую их, и разлились отчаянным потоком* [НКРЯ; Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)].

Собранные нами, а также опубликованные И.В. Шалиной материалы показывают, что употребление перформативов *приказываю*, *прошу*, *требую*, *советую* коммуникативно ограничено в гармоничном семейном общении. Причины ограничений имеют аксиологический, ценностно-коммуникативный характер и должны быть изучены более подробно. На данном этапе исследования считаем, что члены семьи в ситуации открытой речежанровой интерпретации высказывания адресанта находят для себя наиболее удобную интерпретацию, сохраняя личное пространство в той мере, которая представляется уместной адресату. Другими словами, в гармоничном семейном общении адресат, как правило, сам решает, считать ли ему высказывание требованием или просьбой, советом или приказом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шалина И. В.* Диалогические и монологические тексты: электронная база данных (на материале уральского городского просторечия) [электронный ресурс] Екатеринбург, 2012. Режим доступа: <http://elag.urfu.ru/handle/10995/4452>

2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] – 2003–2020. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>

Дао Динь Тхао
аспирант

МОЛЧАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Фразеология отражает ментально значимые представления языкового коллектива о процессе речевого общения. Материал лингвоаксиологического исследования – извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка [ФСРЯ 1978; ФССРЛЯ 2004; ФСРЛЯ 2008 и др.] ус-

тойчивые единицы, значение которых включает семы 'язык', 'речь'. Сформировалась тематическая группа «Речь человека и речевое общение», внутри которой выделено 16 подгрупп. В докладе представлены результаты исследования особой тематической подгруппы «Молчание, коммуникативная сдержанность». Словарные толкования и соответствующие стилистические пометы транслируют имплицитные ценностные суждения и установки, направленные на обеспечение кооперативной речевой коммуникации.

В обыденном сознании носителей русской лингвокультуры молчание получает неоднозначную оценку. С одной стороны, одобрительно оценивается молчание как проявление коммуникативной сдержанности, обдуманности (*держат язык за зубами; без дальних разговоров; не говоря дурного слова* и др.). Фразеологическая семантика передает имплицитные суждения: осторожность и сдержанность полезны; каждая реплика говорящего должна быть уместной.

С другой стороны, неодобрительно оценивается молчание как следствие коммуникативной робости (*проглотить слова; набрать в рот воды; слова не вытянешь* и др.). Коммуникативный запрет: нельзя полностью отдавать собеседнику речевую инициативу; не молчи: длительная пауза ставит тебя в неловкое положение. Установка-предостережение: помни: сильное волнение затрудняет речь и даже лишает способности говорить.

Коммуникативное давление (принуждение к молчанию) воспринимается как антиценность (*наступать на язык; хватать за язык* и др.).

Неодобрительное отношение вызывает речевая тактика намеренного сокрытия информации, за которой, предположительно, скрывается неискренность и даже ложь (*заговор молчания; обходить / обойти молчанием* и др.).

Таким образом, молчание как «нулевое» речевое действие и особая тактика оценивается и характеризуется в зависимости от причины, заставляющей говорящего молчать / замолчать. Как правило, внезапное прекращение процесса говорения обусловлено эмоционально-психологически, в отдельных случаях – предметной ситуацией. Особо выделяется лингвокультурный типаж молчуна – молчаливого, некоммуникабельного человека, не поддающегося давлению партнера. Ментально-специфический речевой портрет молчуна можно воспроизвести по данным русской афористики.

ЛИТЕРАТУРА

1. ФСРЯ. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М. : Изд-во «Русский язык», 1978.
2. ФССРЯ. Фразеологический словарь современного литературного русского языка / под ред. А. Н. Тихонова: в 2 т. М. : Флинта: Наука, 2004.
3. ФСРЛЯ. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М. : Астрель, АСТ, 2008.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Прецедентные единицы – элементы национального прецедентного кода [Караулов 1997: 216]. Отдельный элемент кода – прецедентный текст, транслирующий определенное аксиологическое содержание, осознаваемое носителем русского языка и культуры. В медиадискурсе используются различные типы прецедентных единиц – от собственных имен до цитат. Стилиевой приметой медиатекста становится интертекстуальность, поддерживаемая в публицистическом тексте элементами национального прецедентного кода [Купина, Матвеева 2013: 358].

Предмет специального анализа – прецедентный заголовочный комплекс, выступающий как самостоятельная композиционная часть газетного текста. Заголовок структурируется на базе одного прецедентного текста: *Принцип датский У маршрута «Северного потока-2» больше нет препятствий* (Коммерсантъ. №200.31.10.2019), *Здесь птицы не поют. Гордость и боль города-героя Севастополя* (Плотинка. № 8. 11.08.2017).

Подзаголовочная часть используется журналистом как указательный контекст, позволяющий читателю уточнить тему целого текста, сформулировать предварительную аксиологическую оценку темы, заданную прецедентной единицей.

Узнаваемый прецедентный заголовок ориентирован на целевого адресата и выполняет функцию диалогичности в том случае, если читатель осознает феномен прецедентности.

Особого внимания заслуживают креативные технологии, лежащие в основе трансформации прецедентных единиц, употребление которых способствует сохранению базовых ценностей национальной культуры, их осмыслению и переосмыслению в актуальных ситуациях текущего времени. Например: *Красиво есть не запретишь. Росстат оценил структуру питания населения* (Коммерсантъ. №230.13.12.2019); *«Мертвые души» вселились в новое дело. Бывший замминистра энергетики подозревается в хищении 9 млн руб* (Коммерсантъ. №13.25.01.2019); *И третий не лишний. «Газпром» намекнул, что «Северный поток-3» лучше Украины* (Коммерсантъ. №72. 25.04.2018).

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность, М. : ЛКИ, 1997.
2. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров, Екб. : Юрайт, 2013.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСЬБЫ В ЛИЧНЫХ МОЛИТВАХ О СЕМЬЕ*

Личные молитвы отражают аксиологическую реальность, то есть представление человека о сущностно необходимом, о том, что невозможно достичь самостоятельно, без привлечения помощи представителей сакрального мира. Материалом исследования являются письменные личные молитвы святой Матроне Московской.

Личные молитвы святой Матроне носят житейский, бытовой характер и касаются отношений в семье: *Матушка Матрона! Молю, помоги наладить мир в семье, научи меня уму-разуму, помоги помириться с мужем и сохранить семью. Аминь. Наталия* [Блаженная Матрона Московская: 282].

Такие просьбы наполнены конкретными деталями – именами, денежными суммами, топонимами. *Пусть вернется ко мне мой любимый Ринат* [там же: 283], *Прошу, помолись Господу нашему о высоком балле за экзамен по физике для сына моего Вадима* [там же: 269], *Матушка Матронушка, очень тебя прошу, помоги моему внуку Ивану сдать все экзамены в институте и получить стипендию, а то у меня больше нет сил ему помочь* [там же: 254].

При выражении просьбы используются императивы в форме 2 лица единственного числа в директивном значении [Фортейн 2008]: *помоги, вылечи, дай, наставь, избавь*. В то же время встречаются и церковнославянские формы, которые имеют возвышенную окраску: *избави, огради, исцели, настави*.

В записках святому используется форма опатива, что является одним из грамматических признаков, характерных для текстов религиозного стиля [Плисов 2010: 21]. Желательное наклонение эксплицировано в записках через аналитические конструкции: использование частицы *да* плюс смысловой глагол: *Помоги мне, излечи от бесплодия, помолись перед Господом нашим, да дарует деток нам!* [Блаженная Матрона Московская: 17], что придает тексту возвышенность, архаичность. В то же время используемая конструкция с частицей *да*, характерная для канонических сакральных текстов, соседствует с лексикой, используемой в неформальном общении: *Извлеки, Матронушка, мужа моего Сергея из сети дьявольской, от блудной тяги к разлучнице Елене! Да простит ее Господь и устроит ей встречу со своей половинкой, со своей судьбой!* [там

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

же: 24]. Оптатив используется в композиционной части просьба и обычно включается в предложение вместе с императивом в директивном значении: *Помоги обрести счастье в семье, пусть сбудется мое желание еще раз стать матерью* [там же: 44].

Чаще оптатив следует за предложением с императивом и выполняет функцию уточнения, разъяснения: *Помоги моей дочери Елене найти достойную работу. Пусть она будет интересной, успешной и положительные результаты ее будут скорыми и процветающими* [там же: 18]. *Помолись за мое счастье и здоровье. Пусть вернется ко мне мой любимый Ринат. Пусть любит меня больше прежнего* [там же: 26].

Желание автора выражается в прямой форме: преимущественно используется конструкция личное местоимение 1 лица единственного числа я плюс модальный глагол *хочу*: *Очень хочу забеременеть и родить здорового ребенка* [там же: 15], *Я привязалась, а затем влюбилась в Константина, теперь хочу, чтоб мы с ним создали семью, родили малыша и с благодарностью приехали к тебе на могилку все вместе* [там же: 19], *Хочу выйти за него замуж и родить здорового ребеночка* [там же: 26].

Перформативы [см. о перформативных предложениях в русском языке [Апресян 1986, Падучева 2010: 31–37] используются в записках святому в композиционных частях просьбы и благодарности и представляют собой глаголы 1 лица единственного числа *прошу, молю, благодарю*: *Прошу тебя, молись перед Господом Иисусом Христом о здравии моей мамы ... Благодарю за помощь и кланяюсь перед тобою* [Блаженная Матрона Московская: 20], *Благодарю тебя за помощь, которую ты мне, р.Б. Ольге, и р.Б. Елене посылаешь. ... Прошу тебя, помогай моей доченьке Елене* [там же: 13], *Благодарю тебя за все, за помощь твою* [там же: 14], *Прошу помощи в делах житейских* [там же: 14], *Молю тебя, сотвори чудо, подари шанс на жизнь моей бабушке* [там же: 16], *Молю, помоги наладить мир в семье* [там же: 25], *Матушка, умоляю тебя, прошу тебя, пошли мне того единственного и любимого, с которым бы я прожила до конца своих дней* [там же: 21].

Для просьб характерен синтаксический параллелизм, употребление которого усиливает активизирующее побудительное начало: *Матушка Матрона, помоги! Отведи разлучницу Елену! Избави мужа моего Сергея от ее домогательств! Избави его от раздражения и злости, с которыми он возвращается от нее! Защити от разрушающих мою семью планов разлучницы! Верни мне моего любимого мужа неделимым в семью! Моли Господа совершить это чудо!* [там же: 34].

Используемые в личных молитвах разнообразные грамматические конструкции отражают стихийный мир реального православия, свидетельствуют о

созидании молитвы в момент ее написания, о роли личного начала адресанта и выражении его индивидуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и в словаре. Известия РАН. Серия лит-ры и языка, 45(3). 1986. С. 208–223.
2. *Блаженная Матрона Московская: Святая помощница и утешительница.* М. : Эксмо, 2011.
3. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Изд. 6-е, испр. М. : Изд-во ЛКИ. 2010 (1-е изд. М.: Наука. 1985).
4. *Плисов Е.В.* Функционально-стилистическое своеобразие типа текста «*Andachtsbuch*» // Науч. Вестник Воронеж. гос. архит.-строит. ун-та. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж: ВГАСУ, 2010. Вып.2 (14). С. 17–24.
5. *Фортейн Э.* Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания, 1. 2008. С. 3–23.

Ицкович Т. В.
профессор
Чэн Ц.
аспирант

МЕТАФОРА В ЖАНРЕ ОЧЕРКА*

Очерк – жанр, находящийся на пересечении публицистического и художественного стилей, что влияет на экспликацию текстовых категорий. Использование метафоры как изобразительно-выразительного средства характерно для художественного стиля, в публицистическом же метафора используется не только в выразительной функции, но и в когнитивной. Автор, разворачивая метафору, отражает действительность, что определенным образом влияет на композиционно-тематическое структурирование текста.

Материалом настоящего исследования послужили тексты В.М. Пескова, чьи очерки можно считать образцовыми [Бушков 2015, Куроедова 2015, Малышев 2014, Щеглова 2017].

Обратимся к текстам очерков. В.М. Песков широко использует метафоры в качестве заголовков, которые, по мнению В. П. Григорьева, представляют собой «чудовищно уплотненную» аббревиатуру текста» [Григорьев 1979: 194].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Заголовок, понимаемый как свернутое содержание текста, является сильной позицией и отражает категорию темы.

В тексте очерка «Неодетая весна» метафорический заголовок является базовой номинацией темы; следуя логическому соотношению понятий *целое – часть*, автор последовательно выстраивает микротемы, каждая из которых соответствует одной из граней метафоры *неодетая весна*, причем оба компонента метафоры раскрываются на протяжении всего текста. Разворачивая метафору *неодетая весна*, автор использует функционально-смысловой тип речи описание и последовательно располагает в тексте очерка микротемы *земля, звуки неодетого леса, краски неодетого леса*, которым соответствуют композиционные элементы.

Так, автор сначала обращает свой взгляд на *землю*, с которой стаял снег: *Снег земля скинула, а в зелень еще не оделась*. Описание земли, с которой стаял снег и которая либо высохла полностью, либо на ней еще есть *вода*, подземного *царства*, в котором живет *мышинный народец*, позволяет раскрыть одну из смысловых частей метафоры *неодетая весна* и является первым композиционным элементом. Под землей живут *мыши*, таяние снега привело к тому, что *теперь же мышинные царства доступны глазу*. Следующая грань метафоры *неодетая весна – звуки леса: неодетый лес прозрачен, светел и голосист*. Логическая структура *часть – целое* помогает организовать данный фрагмент текста по разным смысловым линиям. Так, лес – это птицы, насекомые, то есть *лесной народец*. *Лесной народец* наполняет лес разными звуками, это еще одна смысловая линия, через которую раскрывается ключевая метафора: *неодетый лес голосист*. Последний композиционный фрагмент связан с микротемой *краски неодетого леса*.

Метафора, вынесенная в заглавие текста в жанре очерка, определяет его тематическое и композиционное развертывание. «Разворачивая» метафору, автор последовательно, в соответствии с логическим принципом *часть – целое* и законами композиции, располагает микротемы, каждая из которых раскрывает одну из смысловых граней ключевой метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушков Р. А. Сернурские очерки Василия Пескова // Вестник марийского государственного университета. 2015. № 2(17). С. 97–102.
2. Григорьев В. П. Поэтика слова. М. : Наука, 1979.
3. Куроедова М. А. Поэтический синтаксис как средство выражения индивидуально-речевой манеры публициста (на примере очерков В. Пескова) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 167–171.

4. *Мальшев А. А.* Лексико-семантические средства передачи звука в очерках В.М. Пескова «Любовь–Камчатка» // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа. 2014. С. 142–145.

5. *Щеглова Е. А.* Стилистические особенности путевых очерков В.М. Пескова «Путешествие с молодым месяцем» как поликодового текста // Медиаскоп. 2017. № 3. С. 2–11.

Келер А. И.
ассистент

СПОСОБЫ ЭКСПЛИКАЦИИ ХВАЛЕБНОЙ ИНТЕНЦИИ В НОВОАПОСТОЛЬСКИХ МОЛИТВАХ

В статье предпринимается попытка представить способы экспликации хвалебной интенции в новоапостольских молитвах. Специфика чтения молитвы в Новоапостольской церкви заключается в отсутствии специально установленных образцов для ее сотворения, кроме тех, которые содержатся в Евангелии. В качестве канонической молитвы на богослужении в Новоапостольской церкви функционирует молитва «Отче наш», принимаемая за образец при анализе корпуса новоапостольских текстов.

Категориально-текстовый анализ структуры молитвы показывает, что данный жанр строится на комбинаторике композиционных блоков, соответствующих основным молитвенным интенциям – хвалы, просьбы, благодарности [Ицкович 2016: 104].

Композиционный блок *хвала* используется в новоапостольских молитвах с наименьшей частотностью, однако в текстах прослеживаются определённые способы экспликации данной интенции. Проследим реализацию некоторых из них на материале 120 текстов личных новоапостольских молитв.

1. Прямая номинация хвалебной интенции.

При прямой номинации обозначенной интенции используются существительные *слава* и *хвала*, имеющие оценочную сему в понятийном содержании, а также глаголы *славить*, *восхвалять*, *преклоняться*, имеющие стилистическую окраску (ср.: *хвала* – «высокая похвала», *похвала* – «хороший отзыв о ком-нибудь, одобрение», *слава* – «почётная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг, таланта», *славить* – «создавать славу (в 1 знач.) кому-чему-н., воздавать хвалу, честь (высок.)»; *восхвалять* – «превозносить похвалами (книж.)»; *преклониться* – «(высок.) почувствовать глубокое уважение, восхищение») [Ожегов и Шведова 2006: 99, 573, 583, 727, 860].

2. Косвенная номинация хвалебной интенции.

Хвалебная интенция содержится не только в композиционно отчленённом фрагменте текста (композиционном блоке), но и в обращениях к Богу на про-

тяжении всего молитвенного общения. Так, молящиеся используют следующую оценочную лексику, взывая к Богу: *великий* – «превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся», *возлюбленный* – «горячо любимый (устар.)», *всемогущий* – «(высок.) обладающий неограниченной силой, могуществом», *добрый* – «делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества», *дорогой* – «любезный, милый, любимый», *любимый* – «дорогой для сердца, такой, к которому обращена любовь», *милосердный* – «проявляющий милосердие», *милостивый* – «(устар.) проявляющий, выражающий милость» [Ожегов и Шведова 2006: 72, 92, 104, 169, 176, 336, 356]. Каждое из представленных прилагательных обнаруживает в лексическом значении положительную оценочную сему, некоторые из них – и стилистическую окраску.

Так, хвалебная интенция в молитве выражается при помощи оценочной и стилистически маркированной лексики. Таким образом говорящий, с одной стороны, демонстрирует положительное отношение к Богу и Его деяниям, с другой стороны, выдерживает в тексте благоговейную тональность, характерную для религиозного стиля [Ицкович 2016: 66]. Отметим, что частотное применение данных способов экспликации хвалебной интенции в новоапостольских молитвах обеспечивает формирование устойчивых формул, или фраз-клише, используемых в новых текстах в готовом виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ицкович Т.В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: диссертация ... доктора филологических наук / Т. В. Ицкович. Екатеринбург, 2016.
2. *Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: РАН, 2006.

Купина Н. А.
профессор

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЮБИТЕЛЬСКИХ КАЛЕНДАРНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ*

Базовые ценности жителей уральской провинции находят отражение в периодической печати. В докладе излагаются результаты срезового аксиологического анализа материалов газет Пермского края: *Искра* (Лысьвенская общест-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

венно-политическая газета), *Зори плюс* (Добрянская независимая газета), *Камские Зори* (газета Добрянского муниципального района), *Шахтёр* (общественно-политическая газета Гремячинского городского округа), *Новости* (общественно-политическая газета Горнозаводского городского округа). Редакции газет разрабатывают проекты, ориентированные на ценностные запросы целевого адресата.

Регулярно публикуются приуроченные к определенным датам стихи читателей. Тексты календарной лирики позволяют судить о бережном сохранении провинцией традиционных семейных ценностей. «Наивная аксиология» [Ведрева 2015] характеризуется прямым вербальным выражением ценностных установок и отталкиваний, которые включены в речевой жанр пожеланий, адресованных членам семьи. В рифмованных текстах-поздравлениях повторяющимися являются следующие номинации: *здоровье, долголетие, радость, счастье, добро, любовь, сердце, душа, успех, удача, красота, забота, дружба, достаток, участие, помощь*.

Авторы, как правило, именуют себя с помощью терминов родства, а само поздравление нередко носит коллективный характер: *Желаем крепкого здоровья, / Желаем радости большой, / Желаем счастья всей душой! / Живи ты долго, без болезней, / без огорчений и тревог, / Чтоб только радость и удача / Переступали твой порог! Мама, сестра, братья, сын Олег, племянники*.

Центром семьи неизменно оказывается любящая и любимая мать – *добрая, дорогая, любимая, неповторимая, сердцу родная*. Взрослые дети адресуют ей уверения в готовности оказать помощь и поддержку: *Пусть будут здоровье, достаток, и счастье. / Всегда полагайся на наше участие. / И помни, мамуля, и верь, что на свете. / Тебя обожают любимые дети! Дети и внуки*. Рифмованные строчки адресует детям мать: *Вас хочу благословить / на радость, на удачу, / И желаю долго жить, / Счастливо, не иначе. Мама*.

Особо выделяются стихи, посвящённые памяти родного человека. Как правило, они сопровождаются краткой информацией о дне скорби: *22 мая исполняется 4 года, как не стало Александра Афанасьевича Чеснокова. Ты был красивым, / и любимым, и родным. / Я на тебя смотрела, / и смотреть хотелось, / И буду помнить я тебя / только таким, / Осознавая, что ты был / моим любимым. Жена*. Время не притупляет чувств любви, благодарности и одновременно – желания откровенно рассказать о своем горе. Нередко от имени семьи передаётся обращение к тем, кто знал и ценил покойного: *9 апреля исполнится 40 дней как внезапно оборвалась жизнь нашего любимого мужа, папы, зятя Казакова Сергея Северьяновича. Вечная тебе память. / Уж сорок дней, как ты не с нами, / Уж сорок дней, как тебя нет, / Едва ли высказать словами, / Что боль пронзает, как стилет, / Что ноет сердце ежедневно, / Что без те-*

бя вся жизнь – тоска... / Приглашаем всех, кто знал и помнит Сергея на поминальный обед, который состоится 9 апреля в 12:00 в кафе «Ветлан». Жена, дочери, тёща. Ощущается искренность, откровенность, надежда получить моральную поддержку со стороны.

«Массовый лингвокреатив» [Ремчукова 2016: 157] обнаруживает интуитивное стремление жителей уральской провинции к производству текстов, нарушающих автоматизм восприятия. Эмоционально окрашенная лексика, звуковые созвучия доставляют как автору (авторам), так и адресату эстетическое удовольствие. Слово, ритмизированная речь, рифма – ценности, поддерживающие кооперативную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вепрева И. Т.* Наивная аксиология: метаязыковая оценочная интерпретация лексической семантики // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании (Мат-лы Всероссийск. сем-ра с международн. участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г.). Екатеринбург, 2015. Вып. № 4. С. 35–44.

2. *Ремчукова Е. Н.* Прагматическая и эстетическая ценность «массового креатива» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. VII. М., 2016. С. 157–167.

Купина Н. А.
профессор

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

В ситуации социального напряжения ярко проявляется присущий русской лингвокультуре словоцентризм: активизируются креативные операции и с планом выражения, и с планом содержания словесных знаков, актуальных именно для «данного текущего... сравнительно короткого периода...» [Шмелёва 2003: 243]. Эпидемия коронавируса, вспыхнувшая в первые месяцы 2020 года, сопровождается метафорической диагностикой новой жизненной реальности. Аксиологически маркированная метафора дает «возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленив свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова вложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить её» [Скляревская 2004: 71].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

В текстах СМИ (март–апрель 2020 г.) метафора фиксирует стрессовое состояние общества. *Эпидемия сопровождается эпидемией страха и паники.* Страх вызывает отсутствие эффективных препаратов, о чём свидетельствуют формы несовершенного вида глаголов: *Гонка лекарств от COVID-19 набирает обороты. Поиски волшебной таблетки продолжаются.*

Развертывается метафора войны. *Когда и как завершится мировая война против коронавируса?* Надежда возлагается на медработников и врачей, которые именуются *героями войны*: *Сегодня врачи – это те же командиры, которые должны сберечь нас и сберечь себя.* Именно они, *сражаясь с вирусом, находятся на передовой.* И даже в середине апреля *сводки с антивирусных фронтов* остаются тревожными.

Коронавирусная война влечет за собой кризис экономики: *В связи с наступлением коронавируса произошло обрушение фондового рынка; Тучные годы российской экономики прошли; Бизнес сейчас стоит с протянутой рукой.*

Наблюдается расширение сочетаемости ставшего актуальным слова *каникулы*. Формируется образное представление о возможном смягчении финансовых потерь в расчёте на помощь государства: *Около 125 миллиардов рублей останутся в малом бизнесе благодаря кредитным каникулам; Транспортники предлагают правительству ввести налоговые каникулы.*

Аксиологически маркированные сочетания транслируют отрицательное отношение к действиям отдельных чиновников (*вирус безответственности*) и гражданам, нарушающим режим самоизоляции (*коронавирус легкомыслия, коронавирус головного мозга*).

Силу духа, коллективную способность и готовность выдержать испытания пандемией обнаруживает языковая игра составляющими ключевого сложного слова. Устойчивым становится ироническое высказывание *Кому корона, а кому вирус*. Ср.: *Вирус уже есть. А где корона вируса?* Образным эффектом сопровождается трансформация прецедентных текстов: *Учение – сеть* (о дистанционном обучении школьников); *Вирус бьёт не по паспорту* (о случаях инфицирования молодых людей).

Как показывает анализ, процессу освоения новой тревожной реальности способствует как оживление общезыковых метафор, так и создание нестандартных образных параллелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.

2. Шмельёва Т. В. Ключевые слова // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под редакцией Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 241–244.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОД В ЛЕКСИКЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПРИЯЗНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА)*

В русской лексике со значением неприязни многообразное отражение находят социальные смыслы. Такое положение дел объясняется общественной значимостью обозначенного типа эмоций: неприязнь нарушает определенным образом уклад жизни социума и тем самым обращает на себя внимание. Безусловно, «социальность» пронизывает все устройство данного фрагмента лексической системы. В данном докладе мы ограничимся рассмотрением мотивационных линий, объединенных идеей социального взаимодействия. В качестве материала выступит диалектная лексика Русского Севера, а также дочерних говоров – Урала и Сибири.

В первую очередь, неприязнь и недоброжелательность связаны с **невыключением человека в социальную группу**. На это указывает, например, лексика с корнем *союз* (карел. *несоюзный* ‘неприветливый, недружный’, перм. *несоюзно* ‘недружно’). Более древние смыслы демонстрируют лексемы, указывающие на **изгнание из рода**, к примеру, волог. *ворог* ‘враг, злодей, неприятель’: *Кто своему детичу ворог!* (< прасл. *vorgъ, первоначально ‘изгнанник из рода, отверженный’).

Семантику недоброжелательности могут мотивировать наименования различных **типов взаимоотношений внутри семьи, рода**, как, например, олон. *свиденик* ‘враг, соперник’ ← беломор. *сведеники* ‘сводные братья и сестры’.

Недоброжелательность связана с **отказом от поддержания социальных связей внутри группы**. Неприязненно настроенные люди не контактируют с окружающими людьми: волог., арх., перм., сиб. *углан* ‘угрюмый, недоброжелательный, злой человек’, перм. *сидеть на заперте (на крючке, под бадогоми)* ‘жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия’. Напротив, человека, к которому испытывают неприязнь, всячески вытесняют из жилого («собственного») пространства (перм. *под порогом жить (расти)* ‘быть нелюбимым, презираемым членом семья’) и избегают его (сиб. *разгони-беседу* ‘о человеке неприятном, не умеющем себя вести в обществе’).

Недоброжелательность проявляется в **несоблюдении традиционных правил взаимодействия в обществе**. Так, недружелюбные люди не советуют-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

ся с другими (арх. *несоветно* ‘несогласно, недружно’), не стремятся прийти к согласию (арх. *несогласно* ‘недружно’, волог. *согласие не взяло* ‘о ссоре, состоянии вражды’).

В пространстве говоривших встречаются языковые факты, подвергающиеся **деонимизации**. Так, вероятно, построено нижнепечор. устойчивое сочетание как *Ага и Палага* ‘вести себя недружелюбно по отношению друг к другу’, где второй компонент бинума является деминутивом к личному имени *Пелагея* – *Палага*.

Матвеева Т. В.
профессор

В ОТСУТСТВИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале речевой тактики заботы)*

Специфика разговорного материала при его культурологическом изучении состоит в том, что в нем достаточно слабо эксплицируются оценки. Это отнюдь не означает, что разговорная речь лишена оценочности, имеется в виду лишь малое количество лексики оценок, как общих (с семантикой “хорошо / плохо”), так и частных (“полезно / вредно”, “красиво / некрасиво” и др.). Несколько употребительнее лексика общих оценок с экспрессивной коннотацией (*отлично, здорово, классно / ужасно, кошмар, бред*) и фразеологизированные реплики-коммуникативы (*Не может быть! Как так? Да что ты!*), оценочный смысл которых передается интонационно.

На основе опыта речевого пользования можно утверждать, что оценочное отношение, направленное на предмет разговора или на собеседника (реже – на третье лицо), может быть выражено и без экспликации оценки. Средством выражения оценки способен выступать сам речевой поступок. Иногда коммуникативный поступок вообще не вербализуется (подвинуться на скамейке или снять с нее свои вещи, уступив место стоящему рядом; поднять упавшую вещь и отдать ее уронившему и т.п.), но часто собственно поступок или коммуникативное намерение сопровождается высказыванием (*Давайте пальто, я повешу* – говорит хозяин дома гостю; *Ужинать сейчас будем?* – спрашивает жена пришедшего с работы мужа). Так осуществляется речевая тактика заботы, позитивно-оценочная тактика, хотя лексики положительной оценки здесь нет. Поставим задачу осмыслить ход лингвокультурологического анализа в данной речевой ситуации.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18–012–00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Первое, на что может опереться исследователь, – это речевой опыт носителей языка. Многократное повторение бытовых ситуаций, «обкатка» их речевого сопровождения приводят к стереотипности непринужденного речевого общения. Носитель родной речи вправе выделять стандартные микроситуации общения и соответствующие им стереотипы на основании собственной интуиции, языкового чутья, что никогда не отрицалось в лингвистике как возможный инструмент исследования. Однако ограничиваться этим инструментом нельзя, нужно искать и более точные способы выявления предмета, интересующего наблюдателя.

Обратим внимание на структуру коммуникации, характерную для оценочных высказываний, не имеющих оценочных экспликаторов. Квалификационно-оценочная структура включает в себя три элемента: объект квалификации, основание квалификации и собственно квалификацию [Вольф 1978: 35–70]. Объектом квалификации могут выступать любые предметные (в широком смысле) явления. Они неоднородны, объектом оценки могут выступать, во-первых, единицы и фрагменты реальности, во-вторых, собеседники, в-третьих, сам говорящий (в последнем случае оценка становится самооценкой). Применительно к ситуации речевого взаимодействия можно выделить два плана: денотативный, или конкретно-предметный, соответствующий первому объекту оценочной квалификации, и коммуникативный, соответствующий двум другим объектам.

Интересующий нас материал характеризуется отчетливой выраженностью денотативного плана. Реплики, которые мы интуитивно относим к оценочным, имеют в своем составе конкретно-предметную лексику: *пальто, повесить, ужинать* (из приведенных выше реплик); *Папе куртку отнеси; Чаю хочешь?; Я тебе хлеба купила и кефир*. Отметим правомерность опоры на данный тип лексики, хотя возникает она по требованиям текущего момента, сугубо фрагментарно и тематического развертывания конкретно-предметная лексическая единица не получает. Здесь мы как бы оперируем не столько словом, сколько самим содержанием. Однако у Ю. Лотмана читаем: «Любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая» [Лотман 1993: 343]. В нашем материале применяется сугубо бытовая конкретная лексика (из тематических групп «еда», «одежда», «предметы обихода», «распорядок дня» и под.). Действия выражающего заботу человека о близких в узком кругу личного общения, как правило, связаны с оперированием исключительно бытовыми предметами и представлениями.

Однако этот лексикон всегда увязан с личностью собеседника или третьего лица, близкого говорящему. Пальто принадлежит гостю, куртка – папе, хлеб и кефир покупается, а чай предлагается для собеседника, ужинать предлагается

совместно с ним и т.п. В этом и можно усмотреть внешний признак таких высказываний. При этом объединение предметного плана с коммуникативным выглядит следующим образом: говорящий оперирует предметами или совершает предметные действия, связанные с интересами собеседника, речевые действия говорящего направлены на соблюдение этих интересов. Более того, говорящий даже несколько опережает развитие ситуации, предвосхищая желания и потребности собеседника (или третьего лица). Он действует в пользу другого (гость обласкан вниманием, для мужа готов ужин, папа получит куртку, подружка выпьет чаю, мама теперь с хлебом и кефиром). Если же это невозможно, то в высказывании обязательно присутствует контекстное смягчение: *Подождать немножко можешь?* Вероятно, поэтому отрицательный вербальный отклик на такой речевой поступок заботы выглядит грубостью, в норме же – согласие или, в крайнем случае, неопределенный ответ или коммуникативно значимое молчание.

Отдельно отметим значимость модальной лексики, опять-таки связанной с интересами адресата говорящего. Наиболее активны здесь глаголы *хотеть*, *мочь* и *быть* в специфически разговорном значении, развившемся на эллиптической основе (**Быть** <...> б. *что* и *чего*. О согласии, желании что-н. есть, пить [ТСРЯ: 70]): *Борща хочешь?*; *Ты кофе будешь или чай?*

Разумеется, рассмотренный материал отражает лишь определенный участок речевой реальности, связанной с выражением заботы, однако он отличается внутренней целостностью, в нем просматривается определенная речевая технология. Возможно, этот материал интересен для наблюдений в области личностной типологии. Во всяком случае, личность комформного типа определенно связана с активным использованием выделенных нами «реплик предупредительности».

Дополнительно отметим, что установление прагматического наполнения подчеркнуто бытовой реплики не всегда возможно в рамках минимального диалогического единства, отражающего микроситуацию. Иногда требуется обзор речевой партии коммуниканта или даже взгляд на речевую партитуру разговорного диалога в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М. : Наука, 1978. 200 с.
2. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т 3. Таллинн: «Александра», 1993. С. 326–344.
3. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : «Азбуковник», 2008.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ*

Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром. Устойчивые сравнения (далее – УС), характеризующая человека и окружающий мир, ярко представляют аксиологические константы наивной картины мира – как ценности, так и антиценности. Действия человека получают в устойчивых сравнениях как положительную, так и отрицательную оценку.

Положительная оценка в УС русского языка встречается крайне редко, потому что язык обычно не фиксирует норму. Одобрительно оцениваются трудопособность (*работать / вкалывать как вол, как зверь, как каторжник, как ломовая лошадь*); усердие в работе (*трудиться как пчела, как муравей*); способность быстро, без затруднений решать задачи (*целкать как орехи/орешки/семечки*); мудрость и дальновидность (*поступать как Соломон*); достоинство, уверенность мужчины (*как хозяин*), бережное отношение к чему-л. (*беречь / хранить как зеницу ока, как святыню*) и др.

Подавляющее большинство УС русского языка содержит пейоративную коннотацию. В русской системе ценностей заслуживают порицания и осуждения: лживость (*врать как сивый мерин*); конфликтность, взаимная ненависть и вражда (*ругаться как кошка с собакой, наскокивать друг на друга как петухи, грызться как собаки, набрасываться как зверь, вести себя как пауки в банке*); неприемлемое поведение по отношению к окружающим (*вести себя как свинья, как скотина, налететь как воронье на кого-л., быть наглым как танк*); неверное позиционирование себя в обществе (*вести себя как клоун, как шут, как маленький*); грубое речевое поведение (*ругаться как сапожник, как торговка, как базарная баба, как арестант*), назойливость (*приставать как репей/репейник, как смола, как банный лист, липнуть как муха*); использование кого-либо в своих интересах (*выжать кого-либо как лимон*); неспособность к пониманию, незнание (*разбираться как свинья в апельсинах, смотреть как в афишу коза*); слепая подчиненность человека чужой воле (*идти как бараны за кем-л.*); медлительность (*ехать как на похоронах, плестись как черепаха*); излишняя поспешность (*лететь как бешеный, безумный, как на пожар; бегать как ошпаренный, как оглашенный, как угорелый*) и др.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Национальная специфика УС проявляется в плане содержания – в денотативной соотнесенности образа сравнения и сопутствующих ему коннотациях, в избранных в той или иной культуре эталонов сравнения и стереотипных представлений.

Михайлова О. А.
профессор

КОНСТРУКЦИЯ *ЕСЛИ ЧТО* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ*

Полипредикативные конструкции с семантикой условности (далее – УК) занимают большое место в речевой практике говорящих, поэтому в последние десятилетия началось углубленное изучение их прагматических и коммуникативных особенностей. В разговорном диалоге нередко используется сложноподчиненное предложение с усеченным придаточным *если что*: *А потому что мы уже привыкли / если что / значит чеченец; Ну / если чё / в Фокино купим; Куда можно спрятаться, если что.* В устном корпусе НКРЯ [<http://www.ruscorgo.ru>] зафиксировано 264 документа, 336 вхождений с такой конструкцией. В основном корпусе НКРЯ с 1988 по 2000 гг. наблюдалось сокращение использования этой конструкции до 10,0, а к 2019 г. частотность употребления сложноподчиненного предложения с усеченным придаточным *если что* возросло до 43.

Прототипической формой, к которой восходит анализируемая конструкция, является полное высказывание *если что случится*. Форма синтаксического индикатива будущего времени выражает гипотетическое условное значение. В УК существует набор соотношений форм вида, наклонений и времени глаголов-сказуемых в главной и придаточной частях. Усеченная конструкция *если что* употребляется в соотношении: будущее – будущее (*Если что / вам же будет хуже*); будущее – прошедшее (*Если чё / это я щёлкнул пальцем*); будущее – императив (*Звони, если что. Не пропадай*); будущее – инфинитив (*Куда уехать, если что*).

Семантика УК описывает два положения дел, из которых одно (результат) определенным образом зависит от другого (условие / посылка). Усеченная конструкция *если что* в разговорной речи обладает следующими семантико-прагматическими свойствами.

1. Интегративная функция. Стандартная УК опирается «на презумпцию существования ряда необходимых факторов, образующих некоторое множество

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

{á} и представляющих совокупность естественных предпосылок, с которыми должно суммироваться положение дел, выражаемое в условии» [Типология 1998: 16]. Потенциальный вид условия свидетельствует о том, что говорящий не располагает необходимой информацией о существовании обуславливающей ситуации и потому не выделяет одно необходимое условие, но он, тем не менее, утверждает ее соответствие действительности и, используя конструкцию *если что*, предполагает возможность разных факторов: *А давай купим хотя бы один какой-нибудь просто один диск и запишем туда мою папку. Чтобы она хотя бы была / образцы там / все такое. Потому что если что / хрень какая-нибудь...*

2. Эвфемистическая функция. Обуславливающая ситуация является неблагоприятной для коммуникантов, поэтому она не вербализуется, используется прием умолчания: *Ну вот если... шо / то вот... похороны / все / значит; Если что / то ты не будешь виновата в моей смерти; Ну, если что, – с облегчением согласилась врачиха, – тогда снова вызывайте, мы заберём. А то что же зря только мучить. Он тряску не выдержит* [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве]; *«Ну а если что – уничтожь»*. *Побледнел слегка* [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей]. С прагматической точки зрения усеченная конструкция *если что* выражает потенциальность как предвосхищаемый результат возможного поведения – «предупредительное поведение» [Типология 1998: 19].

Факты говорят о широком диапазоне употребления рассмотренной конструкции в разговорной речи, что можно интерпретировать как свидетельство ее прагматической значимости в межличностном общении.

ЛИТЕРАТУРА

Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб. : Наука, 1998.

Михайлова Ю. Н.
доцент

КТО/ЧТО ДЕЛАЕТ НАШУ ЖИЗНЬ «ТОКСИЧНОЙ»?*

Прилагательное *токсичный* до недавнего времени использовалось исключительно в терминосистемах медицины, биологии, химии и под. и, соответственно, являлось стилистически маркированным. Современные толковые сло-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

вари фиксируют только терминологические значения этого прилагательного: ТОКСИЧНЫЙ, биол., мед. 'Способный вызвать отравление'.

Однако в современной речи лексема, ограниченная первоначально специальной сферой, выходит за ее границы, и материалы СМИ показывают функционирование данного слова в самых разных сферах: экономической (*токсичный банк, токсичные активы*), политической (*токсичный бренд партии, токсичные руководители*), культурной (*токсичная корпоративная культура*), религиозной (*токсичное наследие Филарета*), массмедийной (*токсичная информация, токсичная реклама*).

Сочетаемость прилагательного *токсичный* существенно расширилась, хотя этот факт и не нашел пока отражения в словарях. Можно говорить о формировании новых лексико-семантических вариантов, об изменении семантической структуры слова. Развивается полисемия по радиальному типу, так как все новые ЛСВ включают инвариантный компонент основного, первичного значения – «причинять вред кому-, чему-л.». При этом, во-первых, происходит специализация значения в соответствии с социальной сферой употребления и, во-вторых, в новых ЛСВ появляется прагматический компонент.

Особое место занимает сфера межличностных отношений. Здесь функционирование лексемы *токсичный* обусловлено двумя семантическими валентностями прилагательного.

Первая группа – сочетаемость лексемы *токсичный* с неодушевленными существительными, характеризующими коммуникацию: отношения, атмосфера, среда, правила взаимодействия. Например:

Опьяненная любовью, Татьяна не замечала, как все глубже увязает в этих токсичных отношениях (Комсомольская правда; 24.05.2019); *Токсичные отношения в паре случаются необязательно только тогда, когда любовь ушла* (МК; 29.09.2018); *Токсичные методы воздействия обычно пассивно-агрессивны... 5 признаков, что вы находитесь в токсичной среде* (<https://www.wonderzine.com/>).

Подобные высказывания имеют отрицательную коннотацию, так как описывают негармоничное, конфликтное общение людей.

Вторая группа – сочетаемость лексемы *токсичный* с номинациями лица. Репертуар токсичных лиц разнообразен. Это и обобщенное родовое понятие *люди: Моё моральное здоровье от круга общения, ведь бывают «токсичные» люди, которые несут сплошной негатив* (АиФ-Здоровье; 28.05.2019); *Односторонние, невзаимовыгодные отношения – это то, чего стоит избегать, если вы хотите обрести настоящую дружбу, а не быть жертвой токсичных людей-манипуляторов* (Деловой еженедельник Профиль; 01.04.2019). И конкретные лица, которые находятся в близких отношениях: *Названы самые «токсич-*

ные» родственники (Вечерний Ростов; 06.03.2018); *У токсичных родителей раздражённые, напряжённые, капризные дети* (АиФ-Москва; 27.02.2019); *Непутевая мать восьмилетнего сына и ее токсичный бойфренд переезжают из мотеля в мотель, то и дело бросаясь в криминальные авантюры* (Деловой еженедельник Профиль; 12.11.2018). В таких контекстах прилагательное *токсичный* наделяет субъекта отрицательной психологической характеристикой.

Представленные контексты дают возможность сконструировать образ токсичной личности. Это человек, негативно влияющий на окружающих, унижающий других людей, причиняющий моральный, а иногда и физический вред близким, безответственный по отношению к другим, манипулятор, который любыми средствами пытается добиться своих целей. Люди, которые вынуждены общаться с токсичными людьми, становятся их жертвами.

Прямое значение лексемы *токсичный* имеет имплицитную отрицательную коннотацию («ядовитый, отравляющий»), и пейоративно нагруженными становятся все метафорические значения. Через такие прагматически заряженные высказывания с лексемой *токсичный* транслируются и утверждаются ценностные установки современного общества: гармоничное взаимодействие в повседневной коммуникации и психическое здоровье людей.

Михайлова Ю. Н.

доцент

МЕТАФОРЫ «МЕДВЕДЬ» И «ПАНДА» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ*

Символами многих стран стали животные, которые изображены на гербах, официальных знаках страны. Но существуют и неофициальные символы, ими становятся животные, к которым с древних времен народы испытывали особое уважение. Такими символическими животными являются в России медведь, а в Китае панда.

Употребления лексем *медведь* и *панда* в современных СМИ показывает, что эти единицы развивают метафорические значения.

У слова *медведь* на базе ярких когнитивных признаков «крупный», «сильный», «хищный» развиваются метафорические признаки «власть», «могущество»: *У нас всё политическое пространство – как сказка. В Думе – «медведь», крепко севиший на парламентский теремок, Баба Зюга, вместо Волка серого – Вольфович* (АиФ; 27.10.2015). В качестве доминирующего когнитивного признака медвежьего символа выступает признак «сила», через который мета-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

форически представлены военная и энергетическая мощь государства, возможности России в противостоянии другим государствам.

В русской культуре образ медведя неоднозначен. В советскую эпоху в детских книгах и мультфильмах медведь был сильным и добродушным, что проявилось, например, в симпатичном московском олимпийском мишке. В постсоветский период отношение к медведю меняется. Образ России через призму медвежьей метафоры получает в западном мире отрицательные коннотации, и Россия в образе медведя представляется агрессивной страной, несущей опасности миру: *И стал своему бывшему боссу грозным конкурентом. Этого русского медведя злить нельзя* («Огонек», 2015). *Медведь* как метафора используется для описания русского менталитета, для характеристики дикого и нецивилизованного русского человека: *Что бы мы не писали по кустам, превращаясь в тех самых медведей, которые, по мнению иностранцев, составляют половину населения Москвы...* (АиФ; 03.11.2017).

Значительно реже лексема *медведь*, выражая значение «Россия», «русский человек», обладает положительной коннотацией. В этом случае актуальными становятся признаки «широта русской души», «щедрость», «удаль». Например: *Страну обычно представляют как медведя – сильного, гордого и медлительного, который дает отпор, когда его загоняют в угол.* (Метро (г. Москва); 16.04.2016).

Медведь в российских СМИ сегодня метафорически представляет политический авторитет России и ее правящей верхушки, политическую партию «Единая Россия»: *«Медведи» – это не только ценный кадровый ресурс, но и полезные, легко проходящие через Госдуму законопроекты!* (АиФ; 02.07.2018).

Китайская панда значительно реже встречается в метафорических контекстах. Однако можно с определенностью сказать, что в отличие от русского медведя китайская панда отличается мягкостью. У слова *панда* на базе ярких когнитивных признаков «добрая», «дружелюбная», «спокойная» и подобных положительных характеристик (результаты получены в ходе ассоциативного эксперимента с русскими и китайскими информантами) развиваются метафорические признаки «мягкость», «дружелюбность»: Один из самых частотных контекстов *панда-дипломатия* или *дипломатия панд*: *Китайская панда-дипломатия – такой яркий символ доверия – еще одно подтверждение крепких дружеских отношений между Владимиром Путиным и Си Цзиньпином; Путин и Си начали дипломатию панд* (Комсомольская правда, 05.06.2019); *Панда-дипломатия* была частью налаживания отношений Китая с миром в 1970-х – тогда несколько панд были отправлены в США и Японию. В Россию же первая панда была послана еще в 1957-м году. Один из последних примеров *панда-дипломатии* – это две пухленькие панды, отправленные президентом Си на 15 лет в Южную Корею. (LIVEJOURNAL, 09.03.2016). Метафорические

смыслы, которые выводятся из этих контекстов – умение дружелюбно договариваться, а также высшая степень доверия в отношениях.

Овчинников Ю. Е.

магистрант

ЯЗЫК ТЕКСТОВ ИВАНА «NOIZE MC» АЛЕКСЕЕВА: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В отечественной филологии сформировалось два подхода к определению поэтического языка. В узком смысле (Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский) поэтический язык – это «язык поэзии» (в расширенном понимании – язык всей художественной литературы); в широком смысле (Ю. Н. Тынянов, Р. Якобсон, В. П. Григорьев) – это «язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы самое минимальное, ограниченное рамками одного только слова» [См.: Григорьев 1979: 77–78]. Проблемным является вопрос о принадлежности к поэзии текстов из репертуара современных популярных музыкальных групп.

Исследование материала текстов И. Алексеева – лидера рэп-рок группы «Noize MC» – показало, что в них содержатся образные средства, обнаруживающие креативную авторскую индивидуальность: *Рассвет надорвет нового дня темную упаковку / С того же края, что вчера, привычным движеньем ловким; Я истоптал по ступенькам лестниц и эскалаторов / Путь, равный по длине трём-четырёх земным экваторам; Когда налипнут на небесный магнит мои двадцать с чем-то граммов, / Оставив тело внизу, как обувь у храма, / Я буду тебя любить* [<https://www.musixmatch.com/artist/Noize-MC>]. Во всех случаях ощущается установка на формирование у адресата определённого эстетического впечатления, а использованные при создании текста речевые средства оправданы креативным заданием.

Специального внимания заслуживают тексты И. Алексеева, в которых органично сочетаются аксиологическая и эстетическая функции. При этом аксиологическая составляющая может рассматриваться как определяющая. Выраженную аксиологическую направленность имеет текст песни «Какая жалость», в котором проявляется выверенная нравственная позиция автора по отношению к юношескому максимализму, эгоцентризму и проблеме «отцов и детей»: *Твой бунт против папы и мамы / Закончится офисным креслом; На место протеста и крика / Придут тишина и усталость*. Ценностные установки И. Алексеева мотивируют саркастическую тональность текста: *Твоя жизнь – не кино и не книга, / Какая жалость... Какая жалость...* Достижению эстетического эффекта способствует индивидуальная метафора: *В монтажной комнате памяти из этого нарежут позже / Что-то похожее на то, что было, но не то же самое всё же* [<https://www.musixmatch.com/lyrics/Noize-MC/Какая-жалость>].

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В. П. Поэтика слова. М. : Наука, 1979.
2. Noize MC. Lyrics on Musixmatch [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.musixmatch.com/artist/Noize-MC> (дата обращения: 11.03.2020).

Одинцова Е. А.

магистрант

ТЕКСТ КАК ЦЕННОСТЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Текст играет важную роль в гуманитарных науках. Изучение текста осуществляется разными направлениями: лингвистикой текста, герменевтикой, грамматикой текста, стилистикой текста, семиотикой и др. Это свидетельствует о том, что феномен текста предполагает многоаспектность своего изучения: «Необходимость комплексного изучения текста не есть методическое требование, оно есть выражение существа самого объекта» [Колшанский 1984: 15].

Именно тексты являются основными носителями информации, главными каналами трансляции культуры, хранителями культурного наследия. М.М. Бахтин писал, что «текст есть всякий связный комплекс, первичная данность всех гуманитарных наук. Текст является той непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины» [Бахтин 2000: 299]. Таким образом, ученые используют текст как опору, отправную точку во многих исследованиях в гуманитарной сфере.

Специфика гуманитарной мысли также имеет текстовую природу: «Рождение гуманитарной мысли как мысли о чужих мыслях, выражениях, знаках, за которыми стоит иное, данное исследователю только в виде текста» [Бахтин 2000: 300]. Текст антропоцентричен: «гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, поэтому человек всегда выражает себя, то есть создает текст» [Бахтин 2000: 304].

Следует отметить, что «для речевой организации текста определяющими оказываются внешние, коммуникативные факторы. Текст создаётся при возникновении определенной целевой установки и функционирует в определённых коммуникативных условиях» [Валгина 2003: 17]. Как правило, для передачи информации в разных видах коммуникации используются тексты разной типологии, поэтому в любом виде коммуникации текст функционирует как центральное звено коммуникационного процесса, что также определяет его аксиологическую ценность.

Текст является фундаментальным понятием современной семиотики, когда на первый план выходит способность передавать целостное значение. По Ю.М. Лотману, «текст – это не только последовательность знаков, но и перво-

элемент, базисная единица культуры, при этом сама культура может пониматься как сумма текстов и соотнесенного с ними набора в общей модели культуры» [Лотман 2000: 508].

Текст является носителем вечных ценностей, что определяет его аксиологический характер. По М.М. Бахтину, «за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное, и повторимое, и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста. Но одновременно каждый текст является чем-то индивидуальным и неповторимым, и в этом весь смысл его. Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством» [Бахтин 1986: 299].

Текст как центральное ценностное понятие гуманитаристики – это конгломерат различных знаний и методов, который и является самими гуманитарными науками: филологией, лингвистикой, литературоведением, науковедением и т. п. Исходя из текста, они бредут по разным направлениям, выхватывают разнородные куски природы, общественной жизни, психики, истории, объединяют их то каузальными, то смысловыми связями, перемешивают констатации с оценками [Бахтин 1986: 308].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.
3. *Валгина Н. С.* Теория текста. М. : Логос, 2003.
4. *Колианский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984.
5. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб. : Искусство, 2000.

ПикULEVA Ю. Б.

доцент

К ПРОБЛЕМЕ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Работа выполнена в рамках лингвокогнитивного подхода к описанию метафорических моделей. На основе анализа экономических и социально-политических изданий последних лет с помощью поисковой базы Интегрум были собраны 250 типовых метафор, представленных в разной сочетаемости.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

В собранном материале метафорически осмысляются деньги, экономические отношения и финансовая система, региональные и глобальные субъекты, типовые действия этих субъектов. Были выявлены устойчивые переносы из когнитивной структуры «источника» в когнитивную структуру «цели», что позволило провести предварительную инвентаризацию наиболее значимых для экономического дискурса метафорических когнитивных моделей. Так, выделяются:

– природная метафора: *Многие респонденты назвали причиной санкции, бюрократию и плохой инвестиционный климат* (Ежедневная деловая газета РБК, 13.06.2019); *Похоже, "бензиновому морю" в ближайшее время не видать штиля* (Деловой Петербург, 01.07.2019);

– антропоморфная метафора: *Основатели Google и его материнской компании Alphabet объявили о реструктуризации* (Деловой еженедельник Профиль, 09.12.2019); *В строительстве качественных дорог, мостов, энергосетей, коммуникаций – того скелета, на основе которого формируются «мышцы» экономики...* (Кавказская здравница (Пятигорск), 16.02.2019);

– военная метафора: *С самого начала было понятно, что победа Екатеринбурга на Экспо означает прорыв экономической блокады, в которой Россия сегодня* (Эксперт-Урал, 24.12.2018); *Санкции против Ирана ведут к глобальной финансовой войне* (Финансовая газета. Международный еженедельник; 15.07.2019);

– криминальная метафора: *Летом 2013 года Госдума приняла экономическую амнистию, и оба фигуранта уголовного дела решили воспользоваться ею* (Коммерсантъ, 18.12.2018); *Это строительная коррупция, горнодобывающая мафия* (Ежедневная деловая газета РБК, 05.09.2019);

– медицинская метафора: *Результат – «паралич» многих перспективных проектов* (Деловой еженедельник Профиль, 25.11.2019); *Первоначальный план Минпрома по реанимации легкой промышленности рассчитывал на 600 млн руб. ежегодных вливаний* (STYLE4MEDIA. Региональный экономический дайджест (Москва), 10.12.2019);

– производственная метафора: *Мы и в дальнейшем будем использовать имеющиеся у нас законодательную базу и финансовые инструменты для оказания всесторонней поддержки нашим аграриям* (STYLE4MEDIA. Региональный экономический дайджест (Москва), 28.05.2019); *Действительно в какой-то момент ЦБ начал закручивать гайки в сегменте потребительского кредитования* (Коммерсантъ (Приложение), 21.10.2019);

– строительная метафора: *Строительный комплекс — фундамент экономики наших регионов* (Санкт-Петербургские ведомости, 06.09.2019); *А. Силуанов говорит, что в условиях санкций будем строить экономику с опорой на собственные силы* (Сельская жизнь, 18.04.2019);

– метафора пути (движения): *Всем субъектам РФ предстоит разработать «дорожную карту» развития конкуренции* (Деловой еженедельник Профиль, 25.11.2019); *Эти представители «нематериального» сектора экономики раньше всех встали на путь цифровизации* (Аукционный вестник (PDF-версия); 07.03.2019);

– спортивная метафора: *... по большинству лотов аукционов, которые начнутся 7 октября, победу покажут одержат кампании, аффилированные с Русской рыбопромышленной компанией* (Новая газета, 06.09.2019); *В престижном предместье Санкт-Петербурга дан старт строительству нового города курорта Gatchina Gardens* (Газпром, 15.01.2019);

– игровая метафора: *В ЦБ не комментируют действующих игроков финансового рынка* (Коммерсантъ; 29.05.2019); *Ставка была сделана на динамично развивающийся Китай, вторую экономику мира* (Деловой еженедельник Профиль, 28.01.2019);

– колористическая метафора: *Дальнейшее наращивание «плохих» долгов грозит ростом черного рынка микрокредитования* (Деловой еженедельник Профиль, 18.02.2019); *Подавляющая часть компаний и предпринимателей останутся в «зеленой» зоне* (Коммерсантъ, 15.10.2019);

– метафора искусства: *Согласно положительному сценарию, можно ожидать увеличение продаж примерно на 5%* (Деловой еженедельник Профиль, 18.02.2019); *А те, кто не сможет (вернее, уже не смог) поймать волну трансформации и новых веяний в требованиях клиентов, уйдут со сцены* (Business Travel, 15.08.2019);

– метафизическая метафора: *Китайская модель территориально-экономического развития, в основе которой высокотехнологичные промышленные ОЭЗ, показала, что налоговые льготы вкупе с развитой инфраструктурой могут сотворить экономическое чудо* (Эксперт, 11.02.2019); *Финансовые зомби дисциплинированно выплачивают долги* (Независимая газета, 22.05.2019);

– бытовая метафора: *Растущая денежная подушка государства - следствие прежде всего консервативной бюджетной политики* (Ежедневная деловая газета РБК, 04.09.2019); *К такому выводу пришли аналитики Яндекс.Денег, изучив, как пользователи платят налоги из электронных кошельков и банковскими картами через сервис (STYLE4MEDIA. Региональный экономический дайджест (Москва), 27.12.2019);*

– метафора кухни: *«Мариновать» бюджетные деньги не просто ненаказуемо – это выгодно!* (АиФ–Москва, 04.12.2019); *Интерес «Яндекса», как и Revolut, к рынку именно мультивалютных переводов и платежей понятен: здесь традиционно высокая маржа, от которой можно «откусить»* (Эксперт, 15.04.2019);

– пространственная метафора: *Падение цен на нее влечет падение цен на всех этажах экономики* (Советская Россия; 30.12.2019); *Показатели компании стабильны, акции находятся на высоте* (Финансовая газета. Международный еженедельник, 03.06.2019);

– школьная метафора: ... *«налоговые каникулы» действуют в регионе до конца 2020 года* (Саратовская областная газета, 11.12.2019); *Важнейший навык, который необходимо воспитывать с детства – экономическая грамотность* (Московские торги (moscowtorgi.ru), 18.06.2019).

Выделенные ключевые метафорические модели могут лечь в основу словаря экономической метафоры. Особая задача – описание в этом лексикографическом издании лингвоаксиологического потенциала метафорической единицы, а иногда и всей модели в целом. Представляется, что некоторые метафорические модели (например, криминальная) имеют однополярную оценочность, в то время как в другие модели (например, колористическую) могут быть включены метафорические единицы, обладающие разным лингвоаксиологическим потенциалом.

Пикулева Ю. Б.
доцент

КОММУНИКАТИВЫ НА БАЗЕ РЕЛИГИОНИМОВ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

Один из основных вопросов лингвоаксиологического анализа – поиск языковых единиц, которые в диалогическом взаимодействии могут стать сигналами выделения «ценностных тематических фрагментов», таких элементов структуры диалога, «в которых оценивание направлено на внекоммуникативное содержание разговора» [Матвеева 2018: 94]. Изучение собранной базы семейных разговоров (30 диалогов общей продолжительностью более 6 часов, в расшифровке 275,5 тысяч знаков) показало, что одним из средств, указывающих на аксиологические смыслы, становятся коммуникативы, в состав которых входят религионимы, например, *О господи! О боже! Боже мой! Господи боже мой! Слава богу! Не дай бог! О боги!* В собранном материале зафиксировано 50 случаев использования подобных единиц.

Коммуникативы на базе религионимов представляют собой короткие стереотипные реплики-реакции, которые в диалоге приобретают статус квалификатора ценностного содержания. Прежде всего они являются сигналами одоб-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

рительной или неодобрительной оценки. Они экспрессивны, «выражают отношение говорящего к предмету речи и служат для воздействия на собеседника» [Шаронов 2012: 437]. По большей части такие единицы десемантизированы, по функции схожи с междометиями и не связаны с выражением какого-либо религиозного чувства.

Разберем показательный пример.

М. Ты не спишь конечно?

А. Не / я работаю //

М. Господи! / Ну встань немножко пройдишь //

А. Ну я встаю встаю / не волнуйся //

Предложенный ценностно-тематический фрагмент телефонного разговора между матерью (**М.**) и дочерью (**А.**) показывает типичный контекст употребления изучаемых коммуникативов. Начальная реплика **М.** – вербализированное предположение об отступлении от нормального распорядка дня (*Ты не спишь конечно?*). Ответная реплика **А.** содержит сведения фактического характера (*я работаю*), которые подтверждают предположение о нарушении режима. Эта реплика **А.** становится стимульной для оценочного коммуникатива-религионима *Господи!* **М.** выражает недовольство действиями **А.** и дает наставление в виде побудительного предложения (*Ну встань немножко пройдишь*). Характер эмоционального состояния матери и наставительный тон сопутствующей реплики позволяют сформулировать основные и дополнительные аксиологические установки **М.** в границах предложенной темы: *Нельзя слишком много работать, перегружать себя; Нужно соблюдать сбалансированный распорядок дня, в котором отдых сочетается с работой; Нужно вести более подвижный образ жизни.* Внутренняя форма, метафорический образ оценочного коммуникатива *Господи!* никоим образом не связаны с выделяемыми аксиологемами *правильный распорядок дня* и *отдых*, соотносящимися с одной из самых значимых ценностей *здоровье*. Аксиологические установки дочери отличны: она готова работать поздно вечером, поскольку на данный момент в ее системе координат ценности *самореализации*, *профессионального долга* оказываются более значимыми, чем ценности витального типа. Однако успокоительная реплика **А.** (*Ну я встаю встаю / не волнуйся*) сигнализирует, что для дочери важно психологическое состояние матери, ее психологическое *здоровье*.

Интересной можно признать гендерную закономерность использования изучаемых оценочных коммуникативов на базе религионимов: все 50 случаев употребления зафиксированы в репликах женщин. Этот факт подтверждает мысль о том, что «стилистической характеристикой женской речи является тенденция к гиперболизированной экспрессии» [Сюй 2018: 10]. Денотативно опустошенные коммуникативные единицы с религионимами служат для выражения яркой оценочной эмоции: удовлетворения, изумления, недовольства, не-

годования. Они становятся для исследователя значимыми фактами ценностно ориентированной интерпретации разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева Т. В.* О методе выявления ценностной информации разговорного диалога // Научный диалог. 2018, № 10. С. 89–101.
2. *Сюй Ш.* Языковая репрезентация гендерных ценностей в современном русском языке: дисс... канд. филологических наук. Екатеринбург, 2018.
3. *Шаронов И. А.* «Бог с тобой»: теория и практика толкования фразеологических коммуникативов // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Издательство «Индрик», 2012. С. 437–448.

Пономарчук Ю. В.

студентка

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПЕРЕВОД (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА “THE CATCHER IN THE RYE”)

Роман “The Catcher in the Rye” был опубликован в 1951 году. Реакция читателей была достаточно неоднозначной. Согласно данным Американской ассоциации библиотек, роман занимал десятую строчку в списке книг, чтение которых предлагали запретить с 1990 по 1999 год. Книга подвергалась частым нападкам общественности, которая считала её «аморальной», написанной на «вульгарном языке» [Dawn 1998: 17].

Но в СССР чтение романа в переводе Р.Я. Райт-Ковалевой, опубликованном в 1955 г., никогда не запрещалось. Отношение советских читателей и критиков к произведению было положительным [Воронцова, Навольнева 2017: 260]. Можно предположить, что подобное отношение было следствием идейной направленности романа, в обществе сложился образ Холдена Колфилда как борца с несправедливостью и неискренностью капитализма.

Важно отметить, что в 1920-е – 1950-е гг. в СССР издательства, публиковавшие произведения зарубежных авторов, находились под постоянным партийным контролем. Таких отзывов, как «идеологически невыдержанный», «антимарксистский», «вредный», «буржуазный», «враждебный», было достаточно для того, чтобы книга не вышла в печать [Штайн 1999: 116].

Анализ переводов романа на русский язык («классического» перевода Р. Райт-Ковалевой 1955 г. и современного перевода М. Немцова 2008 г.) показал, что Р. Райт-Ковалева чаще всего использует общелитературные разговорные и нейтральные слова для передачи иноязычного сленга. Она старается

практически не использовать просторечия, сленг, вульгаризмы, а также совсем не использует аргю [Пономарчук, Лелека 2018: 103].

М. Немцов гораздо чаще сохраняет в переводе сленг. Он достаточно часто использует общелитературные разговорные слова и просторечие. Немцов практически не использует нейтральные слова, но при этом он чаще, чем Райт-Ковалёва, переводит сленг при помощи аргю и вульгаризмов. Например:

Исходный текст: *Now, shut up, Holden.*

Перевод Р. Райт-Ковалевой: *Замолчи, Холден, тебе говорят.*

Перевод М. Немцова: *А ну заткнись, Холден.*

Во втором варианте перевода для передачи сленга было использовано более грубое *заткнись*.

Итак, на деятельность переводчика в СССР влияли идеологические установки. В какой-то степени задача Риты Райт-Ковалевой (в 1955 году) была привести оригинал к соответствию с привычными для советской аудитории языковыми, литературными и культурными нормами. А у Максима Немцова (уже в 2008 году) была цель создать актуальный перевод романа при наличии уже существующего, «классического» перевода, но с учетом лингвокультурной специфики XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова И. И., Навольнева М. А.* Два перевода романа Дж.Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rye” в диахронии: сравнительный анализ // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 254–264.

2. *Пономарчук Ю. В., Лелека Э. В.* Особенности сленга и его перевод // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. материалов междунар. научно-практической конференции студентов и аспирантов. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2018. С. 100–105.

3. *Штайн К. Э.* Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности // Узоры ковра: сб. ст. науч.-метод. сем. «Textus», 1999. № 4. С. 114–121.

4. *Dawn B.* Literature Suppressed on Social Grounds: Banned Books. New York: Facts on File. Inc., 1998.

Рядовых Н. А.

аспирант

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЦЕННОСТИ ЗДОРОВЬЕ В ЖАНРЕ АКАФИСТА

Аксиологическое своеобразие религиозного стиля отражает ценностные установки христианской картины мира. Функциональная стилистика закрепляет

этот постулат в описании конструктивного принципа религиозного стиля: «абсолютизм в границах иерархической дихотомии Божественного и земного» [Купина, Матвеева 2017: 208].

Специфика религиозного стиля актуализируется в жанре акафиста. Особенности экспликации ценности *здоровье* рассматриваются в текстах акафистов, посвященных святым, врачевавшим телесные болезни в земной жизни.

Христианское мировоззрение расценивает здоровье и болезнь двояко. Будучи антонимами в профанном понимании, эти полярные состояния получают сакральное аксиологическое переосмысление. «Все от Бога, – пишет Феофан Затворник, – и болезни, и здоровье подается нам во спасение наше» [Св. Феофан Затворник, 2018: 94].

Тексты акафистов демонстрируют низкую частотность эксплицируемой дихотомии ценностей здоровья и болезни с точки зрения физиологии. Более многочисленна оппозиция, выстраиваемая по оси: болезнь – исцеление. Если номинации *телесных недугов* детальны, натуралистичны *ломотные и опухлые; гнойные болезни костей и ран* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому), то описания внешних признаков здоровья замещаются указанием на целительный процесс *подавая недугующим исцеления* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *подающими здравие в болезни сущим; болящих скорое врачевание* (Акафист святым бессребренникам Косме и Дамиану). Имплицитно признается ценностным не столько само здоровье, сколько возможность его приобретения *всецелебная сила моя и слава Христос есть Истинный Бог* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону).

В текстах акафистов манифестируется противопоставление здоровья телесного и духовного. Телесный недуг (*напасть, страдания*) имеет как отрицательную оценку *страждущих недугами телесными* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому), так и положительную *яко страдаем вашим безстрастием прияли есте* (Акафист святым бессребренникам Косме и Дамиану). Духовный недуг (*страсть*) категорично расценивается как негативное явление *страстей злосрадие* (Акафист святым бессребренникам Косме и Дамиану).

В ходе исследования была предложена классификация ценностных номинаций. Выделены автономные модели (*здоровье духовное, здоровье телесное / недуг духовный, недуг телесный*); бинарные модели (однородный тип: *здоровье духовное + здоровье телесное / недуг духовный + недуг телесный* и перекрестный тип: *здоровье духовное + недуг телесный / недуг духовный + здоровье телесное*).

Анализ полученной классификации позволяет сделать вывод о том, что главной ценностью в представленной парадигме является *здоровье духовное*.

Эта высшая ценность приобретается путем страданий, в том числе физических. Соответственно, *телесный недуг (страдания, мучения)* получает положительную оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Купина Н. А., Матвеева Т. В.* Стилистика современного русского языка: учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017.
2. *Святитель Феофан Затворник.* Болезнь и смерть. М. : Сиб. Благовонница, 2018.
3. *Акафистник.* Минск : Харвест, 2007. Т. 3.
4. *Акафистник.* Минск : Харвест, 2007. Т. 4.

Светлакова Е. Ю.

магистрант

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОК-ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ УРАЛЬСКОЙ ГРУППЫ «САНСАРА»)

Рок-поэзию можно назвать одной из форм существования поэзии как таковой. В ней находят отражение ценностные ориентиры разных поколений, начиная с песен советских бардов (Б. Окуджавы, В. Высоцкого, Ю. Визбора и пр.) и заканчивая текстами современных инди, фолк и рок-групп («Обе две», «Мельница», «Пилот», «Lumen», «Сплин» и др.). Целью нашего исследования является выявление основных ценностных ориентиров в текстах песен современной рок-группы «Сансара», образованной в 1997 году в Екатеринбурге. На счету группы 14 полноценных студийных альбомов (в том числе сольный акустический альбом лидера группы Александра Гагарина «Пионер»).

Перечень ценностей, представленных в текстах «Сансары», обширен. Одними из главных и наиболее ярко представленных ценностных смыслов в их творчестве, на наш взгляд, являются темы любви и самоопределения.

Любовь – безусловная ценность современного общества, а также одна из главных тем в рок-поэзии. Любовь понимается как нравственно-эстетическое чувство, выражающееся в бескорыстном и самозабвенном стремлении к своему объекту, в потребности и готовности к самоотдаче [Комарова 2012: 171]: *За тобой уйду на дно; Мне глубина твоего океана все чаще важнее длины волны.* Любовь считается одной из основных позитивных эмоций, которую можно противопоставить чему угодно: *Ярче солнца, сильнее смерти / Эти любящие глаза; Я счастлив знать ада радиус / И чьи-то любящие глаза.*

Ценность самоопределения невозможна без таких важнейших факторов, как поиск себя и смысла жизни, своего «места под солнцем». Самоопределение

можно трактовать как процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; как основной механизм обретения и проявления человеком свободы [Грицанов 1999: 1056]. При самоопределении важно определить для себя главные установки, которым собираешься следовать: *Надо бы только плыть, / Надо бы только быть; Я не вполне готов к одиночеству; Не бойся быть Богом, / Не бойся менять имена. / Чтобы взлететь, / Не всегда нужны крылья нам; Будет клоун смеяться, будет молчать поэт, / А ты не бойся – иди на Свет; Как выпадет случай / Уйти по воде – дерзай!* Иногда при выборе основных и важных для себя ценностных ориентиров в пользу самоопределения приходится отказываться от других значимых вещей, приносить их в жертву: *Мы станем лучше, но друг без друга; Я всегда буду тем, кем быть здесь нельзя.* Как и любой поэт, свое самоопределение лидер группы «Сансара» Александр Гагарин находит в творчестве: *Мы гитар не бросили, / петь хотели очень мы; Но даже в углу мир не так тесен, / Я давно не писал таких простых песен / О нас.*

Анализ показывает, что современная рок-поэзия обладает аксиологическим потенциалом, отражает такие значимые для жизни ценностные установки, как любовь и самоопределение, транслируя их важность современному человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова Л. А. Любовь как Высшая общечеловеческая ценность // Вестник КГУ. 2012. №1. С. 171–173.
2. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск : Книжный дом, 2003.

Сысова В. С.
магистрант

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Доклад посвящен одной из наиболее важных категорий когнитивной лингвистики – концепту. Материал анализа – фразеологические единицы, реализующие концепт «любовь» в русской фразеологической картине мира. «Любовь» представляет собой базовый концепт культуры, определяющий ценностные приоритеты и ориентиры общества и соответствующей лингвокультуры. Относительно определения концепта лингвисты придерживаются разных точек зрения. Она зависит, прежде всего, от подхода, которого придерживается сам лингвист, – лингвокультурологического или лингвокогнитивного. Представители первого подхода понимают концепт как основную ячейку культуры, её ступок в сознании человека [Степанов 1997: 40]. Концепты характеризуют

специфику культуры, являясь её неотъемлемой частью. В рамках лингвокогнитивного подхода исследователи определяют концепт как ментальное образование в сознании человека, несущее информацию об отражаемом предмете или явлении и об отношении общества к нему [Попова, Стернин 2007: 24].

Исходя из определения фразеологических единиц А.В. Кунина (ФЕ как «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин 1972: 8]) и его классификации ФЕ – класс IV, к которому он относит пословицы и поговорки [Кунин, 1972: 240], в данном исследовании для анализа фразеологической картины мира были отобраны и проанализированы пословицы и поговорки, реализующие концепт «любовь». В работе проведен семантико-когнитивный анализ концепта, нацеленный на когнитивную интерпретацию – выявление и формулирование когнитивных признаков в виде утверждений о концепте.

В результате анализа были сформулированы следующие когнитивные признаки концепта «любовь», получающие, очевидно, и аксиологическое наполнение:

1. Любовь и разлука связаны со страданием (*не мил и свет, когда милого нет; тошно тому, кто любит кого, а тошнее того, кто не видит его*).

2. Любовь предполагает желание быть вместе с любимым (*куда б ни идти, только б с милым по пути; без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить*).

3. Любовь неподконтрольна (*бояться себя заставишь, а любить не принудишь; насильно мил не будешь*).

4. Любящие похожи (*здравствуй, милая моя, хорошая, чернобровая, похожа на меня; муж да жена – одна сатана*).

5. Любовь связана с избиением (*милый ударит – тела прибавит; кого люблю, того и бью*).

6. Любовь бескорытна и жертвенна (*для милого не жаль потерять и многого; ради милого и себя не жаль*).

7. Любовь – высшая ценность (*совет да любовь – на этом свет стоит; мир и любовь всему голова*).

8. Любовь связана со ссорами (*милые бранятся – только тешатся; муж с женою бранится, да под одну шубу ложится*).

9. Любовь не видит недостатков (*любовь слепа; любовь зла – полюбишь и козла*).

Аксиологическое наполнение выделенных когнитивных признаков логическим образом зависит от закладываемых в них положительно /отрицательно оценочных смыслов. Единственным относительно нейтральным признаком следует признать № 4 («любящие похожи»); среди остальных положительные признаки (2, 3, 6, 7, 9) доминируют над отрицательными (1, 5, 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. Учебное издание. М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007.
3. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка. М. : Международные отношения, 1972.

Сюй Линьлинь
магистрант

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЗВАНИЯМИ НАСЕКОМЫХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Китай и Россия являются близкими соседями. В их культуре есть как сходства, так и различия. У этих стран своя история, самобытные традиции, разная культура, что находит отражение в языке. Язык – зеркало нашей жизни. Одним из лучших его украшений являются выражения, которые называются фразеологизмами. Фразеологическая единица (фразеологизм, фразеологический оборот) – лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы. [Розенталь, Теленкова 1976: 337–338].

Фразеологизмы имеют большую ценность и актуальность для сравнения и анализа связей и различий между двумя видами культур. При изучении иностранного языка знакомство с фразеологией может быть успешным только при учёте соответствий и различий национально-культурной семантики фразеологических единиц.

Кроме того, сегодня молодёжь не очень активно использует в своей речи фразеологизмы, это может привести к их постепенной утрате. Следовательно, анализировать фразеологизмы необходимо.

Объектом исследования является группа фразеологических единиц с названиями насекомых в русском и китайском языках. Их всего 98, из которых 62 китайских и 36 русских. Они отражают соответственно русскую и китайскую картины мира. Насекомые – мелкие животные, они широко распространены в мире и занимают важное место в человеческой культуре. Большинство названий насекомых в русских и китайских фразеологизмах имеют разные значения, но некоторые насекомые имеют общие значения в русских и китайских фразеологизмах. Например, русское сочетание *«Как осиное гнездо»* и китайское *«Разворошить осиное гнездо»*. В этих выражениях «осиное гнездо» обозначает «опас-

ное место». В некоторых случаях разные названия насекомых выражают сходные смыслы.

Изучение устойчивых выражений с наличием какого-либо общего компонента востребовано в современной фразеологии. Русские и китайские фразеологизмы с названиями насекомых передают информацию о мировоззрении, моральных взглядах, системе ценностей данных наций. Они позволяют нам обращать внимание на незаметный, но в некоторых случаях очень важный мир насекомых, а также помогают нам почувствовать близость людей и природы. Сравнивая русские и китайские фразеологизмы на одну и ту же тему, мы можем более глубоко понять сами конкретные выражения и, следовательно, лучше изучить разные языки, устранить препятствия, вызванные культурными различиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розенталь Д.Э., Краснянский В.В.* Фразеологический словарь русского языка. М., 2015.

Удинцева Я. О.

магистрант

Киндлер Е. А.

доцент

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ОБУЧАЮЩИХСЯ МЛАДШЕЙ ШКОЛЫ С УЧЕТОМ ИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Способность к говорению на иностранном языке должна развиваться с детства, так как психологические способности к овладению иностранным языком у детей заведомо выше, чем у взрослых. Дети обычно испытывают перед живым общением меньший страх по сравнению со взрослыми; не скованы комплексами, навязанными им социумом; готовы к общению, познанию окружающего мира в целом и социальных связей в частности [Эббингауз 2002; Методика обучения... 2012]. Процесс познания окружающей действительности невозможен без налаживания социальных связей; в свою очередь, социализация невозможна без коммуникации. При этом обучение ребенка иностранному языку неизбежно связано с проблемой мотивации. Изучающие иностранный язык взрослые, как правило, ясно осознают цель, что не всегда характерно для детей. Как же заинтересовать ребенка? На наш взгляд, основная проблема лежит в аксиологической плоскости. Сама система обучения должна быть выстроена на основе ясного понимания актуальной ценностной системы ребенка.

К основным проблемам обучения ребенка иностранным языкам следует отнести:

1) Нерационально организованное время обучения. Обычно язык присутствует лишь на занятиях. В школе, как правило, на иностранный язык отводится 2 урока в неделю длительностью по 45 минут каждый, что с учетом количества учеников не может давать положительных результатов. Детей в классе много, а времени дается мало.

2) Проблемы, связанные с учебным материалом. Большинство учебников иностранного языка предоставляют задания на английском языке. То есть для того, чтобы выполнить задание, нужно перевести само задание. Когда ребенок открывает книгу и не может понять ни слова, для него иностранный язык сразу становится чем-то сверхсложным и страшным. Он заведомо настраивает себя на то, что не сможет выучить язык, и потому обучение становится мучением.

3) Темы и способы обучения, неактуальные для системы ценностных ориентаций современных детей, только отталкивают их от процесса обучения и не способствуют появлению мотивации к получению знаний.

В докладе предлагаются следующие мотивирующие средства:

1. Самый влиятельный фактор, способствующий изучению языка не только детьми, но и взрослыми, – это популярность английского языка во всем мире. Стоит показать детям, что они смогут понимать любимых героев мультфильмов и все популярные песни.

2. Переосмысление давно известных слов (англ. *Batman* = *bat* ‘летучая мышь’ + *man* ‘человек’). У детей всегда подобные открытия вызывают неподдельный интерес; тем самым формируется и представление о том, что английский не такой далекий и сложный, как им кажется.

3. Периодическое закрепление тем способствует лучшему запоминанию материала. Чтобы пройденные материалы не забывались, а откладывались в памяти, время от времени стоит проводить опросы по нескольким или даже всем темам.

4. Яркие и красочные учебники – ключ к сердцу ребенка. Учебник должен притягивать внимание, способствуя улучшению учебного процесса.

5. Учебники должны быть из одной серии, чтобы ученикам не приходилось затрачивать лишнее время на запоминание новых персонажей и оформления учебного материала.

6. Отношение к стране изучаемого языка играет важную роль. Должно формироваться положительное представление о носителях языка и их культуре, чтобы ребенку было интересно узнавать что-то новое и легче понимать людей другой страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность: коллективная монография / под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск : Титул, 2012.
2. *Эббингауз Г.* Смена душевных образований // Хрестоматия по психологии памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. М. : Изд-во МГУ, 2002.

Устюжанина Л. А.
студентка

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕКЛАМНЫЕ ПОСТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

В XXI веке Интернет является неотъемлемой частью нашей жизни. Он становится полем для продвижения рекламной информации. Для реализации ключевой цели рекламной кампании (продажа товара) рекламист должен хорошо знать механизмы воздействия на человеческую психику, использовать разнообразные манипулятивные приемы «для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок» [Доценко 1996: 60]. Значительной убеждающей силой обладает рекламная информация, размещенная в социальных сетях, особенно в рекламных постах популярных персон. Рекламодатели предлагают «звездам», «авторитетам мнения» рассказывать об опыте использования того или иного товара, эксплуатируя значимость личности для ее поклонников и побуждая таким образом подписчиков известного человека стать потребителями определенной продукции.

Лингвоаксиологический анализ рекламных текстов предполагает выявление ценностных установок, которыми обладает потребитель и тот, кто рекомендует товар. Именно общность системы ценностей, т.е. того, что важно, значимо, полезно для человека, позволяет осуществлять эффективное рекламное воздействие. Типизируя образ адресата, рекламодатель на платформе социальной сети Instagram выбирает известного человека, последователям которого может быть наиболее интересен рекламируемый продукт.

С аксиологической точки зрения наиболее актуальной оказывается такая манипулятивная тактика, как «Игра с мотивом», выделенная Е.С. Поповой в качестве универсальной для любого рекламного текста. «Это наиболее сложная тактика, так как она связана с вторжением во внутренний мир адресата через возбуждение потребностей» [Попова 2005: 120]. Авторы рекламных текстов внушают потребителям, что у них есть определённая потребность, которая требует удовлетворения, и именно рекламируемый товар может в этом помочь. Потребность же представляет собой обратную сторону ценности, это то, что

важно, значимо, желаемо, но в данный момент недостижимо. Например, реклама доставки здорового питания в Instagram певца Сергея Лазарева содержит прямую вербализацию ценностной установки и подчеркивает, что на данный момент идеал не доступен, есть неудовлетворенная потребность: *«забываешь подумать о том, что надо питаться правильно»*. Представление о правильном питании связано с ценностью здоровья. Актуализируя ее, певец подчеркивает, что он убежден в утверждаемой ценностной установке.

Рассматривая рекламные тексты в социальной сети Instagram, можно выделить те потребности, к которым чаще всего апеллируют «звезды». Как показывает анализ, прежде всего актуализируются базовые физиологические потребности человека. Генерируя свой текст, автор поста может акцентировать внимание на том, что его ценности совпадают с ценностями читателей. Фигуристка Елена Радионова выражает это так: *«Мы все знаем насколько важно правильно питаться, особенно спортсменам!»**. Часто обращение к физиологическим потребностям совмещается с апелляцией к гедонистическим ценностям. Это происходит в силу того, что социальные сети осуществляют преимущественно развлекательную функцию, поэтому автор акцентирует внимание не только на «полезном», но и на «приятном». Например, Ольга Бузова, рекламируя в Instagram марку колбасы, замечает: *«И самое главное – она очень вкусная!»*. Автор сознательно делает акцент на вкусе продукта, обращаясь к гедонистической потребности человека (при употреблении рекламируемого товара человек не просто утолит голод, но и получит удовольствие). Гедонистическая потребность может быть напрямую не связана с рекламируемым товаром. Телеведущая Екатерина Варнава, рекламируя чай Lipton, пишет: *«Не сопротивляйтесь своему желанию прогуляться по городу #вруммеLipton»*. Квалификатором ценностного содержания становится слово *желание*, указывающее на то, к чему стремится известная персона и ее подписчики. Потребителю внушается мысль о том, что потребность не должна остаться неудовлетворенной.

В силу того, что большая часть пользователей Instagram – женщины, часто актуализируются эстетические потребности (красота, гармония). Рекламная рекомендация телеведущей Лизы Жарких: *«Уже писала, что люблю ухоженные волосы, поэтому постоянно использую разные маски для волос»* камуфлируется под рассказ о собственной практике заботы о своей красоте, в которой формулируется мысль об эстетическом идеале и средстве его достижения. В основе потребностей эстетического типа представление о ценности красоты, разделяемое большинством молодежи – основной аудитории Instagram, поэтому актуализация данного типа потребностей в рекламном посте становится одной из самых частотных. Визуализация образа эстетического идеала и полезного

---

* Сохранены орфография и пунктуация первоисточника.

рекламируемого товара, возможная на платформе Instagram, позволяет сделать рекламное послание более наглядным и убедительным.

Таким образом, манипуляция сознанием адресата с целью продажи товара посредством социальной сети Instagram происходит с учетом представления о ценностях и потребностях целевого адресата. Рекламное послание в посте известной личности приобретает для ее поклонников дополнительную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Москва, 1996.
2. Попова. Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005 .

Файзуллова М. Р.
магистрант

ОПРАВДАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Прагматическая функция языка имеет большое значение в таких общественных сферах, как реклама и журналистика. В данных направлениях с помощью языковых средств достигаются различные цели: формирование у реципиента положительного или отрицательного отношения к ситуации, маскировка той или иной информации, манипулирование реципиентом с целью подтолкнуть к конкретным мыслям или действиям.

Если речь идет о прагматическом потенциале отдельных языковых средств, можно сказать, что в достаточной степени им обладают эвфемистические единицы, основной функцией которых является «замена грубых или резких слов и выражений более мягкими, стилистически нейтральными. Подобной заменой пользуются, если слово запрещено в обществе, является грубым или непристойным, может кого-то обидеть, расстроить и т. д.» [Эффективное речевое общение... 2012: 772]. Л.П. Крысин классифицирует эвфемизмы по цели употребления: избежать конфликтных коммуникативных ситуаций, вуалирование и камуфляж, зашифровка сообщения, которое может быть понятно лишь определенной социальной группой [Крысин 2000: 384–407].

Следует отметить, что вопрос об оправданности использования эвфемизмов в политико-публицистическом дискурсе остается спорным. Обладая возможностью маскировать и исказить информацию, эвфемизмы в текстах политической направленности представляют собой способ альтернативного представления реальности и идеологического воздействия на реципиента.

Проиллюстрируем сказанное примером. Владимир Владимирович Путин в своем обращении к гражданам объявил неделю с 29 по 5 апреля нерабочей в связи с эпидемией коронавируса, используя слово «выходные». Прочитируем: «Объявляю следующую неделю нерабочей, с сохранением заработной платы. То есть выходные дни продлятся с субботы (28 марта) по воскресенье (5 апреля)» [Срочное обращение Путина...]. В дальнейшем во многих изданиях эта неделя также называлась «выходными» или «каникулами», т. е. при помощи контекстуальных эвфемизмов, что повлекло за собой халатное отношение граждан к информации и вызвало еще большее число заражений.

Неизвестно, использовались ли эвфемизмы с целью избежать волнений в обществе или с целью сокрытия реального положения дел. Из примера видно, что употребление эвфемизмов может оказывать колоссальное влияние на реальность, ставя перед лингвистами вопрос: оправдано ли использование эвфемизмов вместо прямых номинаций в политико-публицистическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи. М.: Языки русской культуры, 2000.

2. Срочное обращение Путина к россиянам из-за ситуации с коронавирусом от 25.03.2020 [электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EkgP1gsQo_w (дата обращения: 13.04.2020).

3. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012.

Цинь Сяоюй
магистрант

АКСИОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ НОМИНАЦИИ В РАССКАЗЕ А.П.ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Язык — универсальная национальная ценность, сохраняющая аксиологические предпочтения народа. Изменения в истории, социальной жизни приводят к изменениям в языке. Изучение значений слов и выражений в контексте определённого времени позволяет носителю русского языка как иностранного осмыслить специфику изучаемой лингвокультуры. В этой связи особую значимость приобретают тексты русской классической литературы. Страноведческий анализ [Верещагин, Костомаров 1990: 246] текста рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» [Чехов 1962 Т.8: 389–405] позволил выявить группы культурно-специфической лексики, отражающей особенности социального строя, бытово-

го уклада, норм культуры дореволюционной России.

Ключевым в анализируемом рассказе является слово *любовь*. В то же время историю любви нельзя понять без осмысления устаревших в наши дни слов и словосочетаний. Это прежде историзмы, «а именно слова или выражения, вышедшие из широкого употребления в связи с тем, что перестали существовать или стали неактуальными стоящие за ними реалии» [Матвеева, 2014: 93]: *губернский, губернское направление, губернаторская ложа; земский, земская управа; удельный князь; лакей, обыватель*, а также *боа, удельный мундир, человек в красной шапочке, бакен/бакенбарды*. Отдельные историзмы (*губернатор, чиновник*) снова вошли в активный запас русского языка постсоветской эпохи, однако в рассказе А.П. Чехова они имеют особый смысл.

Для современного читателя важны также слова, которые в настоящее время стали архаизмами: *курьерский поезд, петлица*. В пассивном запасе оказались отдельные формулы речевого этикета: *не поминайте лихом, изволить*.

Страноведческий анализ сопровождает процедуру замедленного чтения на занятиях по русскому языку как иностранному. Он необходим для углублённого понимания аксиологического содержания текста русской классической прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е. М., В. Г. Костомаров. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. 4-е изд. Москва : Русский язык, 1990.*
2. *Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. Москва : Флинта, 2014.*
3. *Чехов А. П. Дама с собачкой / А. П. Чехов Собр. соч.: в 12 т. Т.8: Повести и Рассказы 1895-1903 .Москва : Гослитиздат, 1962. С.389–405.*

Чэн Цзяоцзяо
аспирант

ИЗУЧЕНИЕ ОЧЕРКОВ В. М. ПЕСКОВА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Изучение аксиологии художественной литературы и публицистики является одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований. Материалом настоящего исследования являются очерки В.М. Пескова, посвященные человеку и природе. Категориально-текстовый подход к изучению очерков В.М. Пескова позволяет выявить ценностный потенциал текста. Наиболее репрезентативной в этом отношении текстовой категорией является оце-

ночное поле текста. Под оценкой мы понимаем «авторское представление о положительном или отрицательном содержании описываемого явления и положительном или отрицательном отношении к адресату речи на основе логической дихотомии «хорошо — плохо» [Матвеева 1990: 28]. Обратимся к результатам анализа.

В очерках, посвященных природе, автор с чувством восхищения описывает пейзажи, который он увидел своими глазами. Чтобы выразить свою любовь к природе и вызвать эстетическое сопереживание читателя, автор использует метафоры, нейтральную лексику, слова с положительной коннотацией, выражающие эмоциональную оценку: *у рябины нет золотых денег, зато кораллы... Повесила красавица ожерелье – всему лесу на диво* [Песков 2014а: 37]. Также автор использует слова, выражающие рациональную оценку: *хорошо, радость, замечательный, счастливый*, например: *счастье первой тропы. <...> сосны, берёзы, лиственницы мелькают по сторонам. Тишина* [Песков 2014а: 12–14], *много раз я видел лосей, но почему-то этот запомнился больше всего. Он был хорошо виден. Темное тело, казалось, плыло над белесой стерней. Длинные ноги легко несли огромного зверя* [Песков 2014б: 10], *у поляны названия не было. Назвали: поляна Радости. <...> Тонкий и дразнящий запах стоит над поляной* [Песков 2014а: 73].

Дальнейший анализ очерков, посвященных природе, показывает, что автору важна гармония между природой и человеком. Герои очерков спасают диких животных и птиц, заботятся о них. Так, в очерке «Лесные встречи» В.М. Песков развивает три сюжетных линии, каждая из которых демонстрирует единение человека и природы: в первой микротеме герой спасает от гибели олененка; во второй – помогает лисятам, оставшимся без матери; в третьем сюжете горожане всю зиму ухаживают за птицей, которая случайно залетела в квартиру [Песков 2014а: 73–74]. Очевидно, что, по мнению автора, человек и природа являются единым целым, мы живём в природной среде и должны беречь её. Любовь к природе, ее деятельная охрана являются философскими ценностями. Очерки, посвященные природе, воспитывают читателя, формируют его мировоззрение, при этом увеличивается «значение философского, эстетического и особенно нравственного аспектов чувства природы» [Гурленова 2000: 13].

В портретных и проблемных очерках автор изображает идеал, образец поведения, он с уважением описывает малоизвестные, интересные и трудные периоды жизни героя, демонстрирует характер героя в процессе формирования личности. Изображая человека, В.М. Песков использует нейтральную лексику с рационально-оценочной коннотацией: *трудолюбие, с удовольствием, смелость, победитель*. В очерке о Юрии Гагарине автор пишет: *гагаринской сердечности, доброты, уважения к людям хватит на всех* [Песков 2014б: 79]. Также автор

рассчитывает на культурный, социальный опыт читателя, когда оценка не выражена прямо, она уходит в подтекст, журналист позволяет читателю самостоятельно оценить героя: *А в 1977 году он был даже самым первым из них – наловил двадцать шесть тонн рыбы. Один! И притом что даже двенадцать плановых тонн выловить очень непросто* [Песков 2014в: 102].

Таким образом, анализ очерков с помощью разных способов оценки показывает эстетические, философские и воспитательные ценности. Данный список ценностей не является окончательным, выявление ценностного потенциала очерков – дальнейшая перспектива исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурленова Л. В.* Содержание понятия «чувство природы» // Природа и человек в русской литературе: материалы всероссийской научной конференции. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. С. 5–14.

2. *Песков В. М.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С Юрием Гагариным. М. : Издательский дом «Комсомольская правда», 2014а.

3. *Песков В. М.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Мир за нашим окном. М. : Издательский дом «Комсомольская правда», 2014б.

4. *Песков В. М.* Полное собрание сочинений. Т. 12. Ключи от Волги. М. : Издательский дом «Комсомольская правда», 2014в.

5. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Шалина И. В.
профессор

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕМЧИВАНИЕ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ*

Технологией поиска и изобретения того, что может быть сказано с определенной степенью вероятности на любую тему, занимается инвенция – раздел риторики, оперирующий топами. Не углубляясь в сложную теорию топикки, определим топы как средства «развертывания пропозиции» [Dick 1964: 314], способы развития темы (идей, доводов), пригодные для построения речи, в первую очередь воздействующей.

Различаются топы внутренние и внешние. В группу внешних топов, представляющих собой «типичные связи анализируемого предмета или действия», в

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

частности, включают топ «отношение к другим объектам (например, отношения сходства, рода и вида)» [Москвин 2008: 138]. Как известно, изначальное сходство предметов (скрытое сравнение, по Аристотелю) лежит в основании метафоры, которая строится «на принципе соизмеримости познаваемого с понятными для человеческого восприятия образами и символами» [Юрков 2012: 4]. Согласно философской мысли, разум склонен опираться на «образные представления», чтобы сделать понятия, не выводимые из опыта, «применимыми к опыту» [См.: Кант 1994]; на легкое и доступное, чтобы «достигнуть более трудного и неуловимого» [Ортега-и-Гассет 1991: 207]. Эти познавательные стратегии реализуются, например, с помощью обобщения и конкретизации. Последняя из названных логико-когнитивных операций раскрывает суть абстрактных понятий за счет «их индуктивной «адаптации» к повседневным ситуациям, знакомым и понятным адресатам» [См: Кожемякин 2013: электронный ресурс]. Это может быть применимо к религиозному опыту, который, при всей его принципиальной «непересказуемости», «должен быть пересказан с целью воспроизводства ценностей, составляющих основу религии» [Там же].

Метафорическое опредмечивание как риторический прием основано на проекции свойств конкретного предмета на абстрактное понятие: говоря словами А.А. Потебни, «определенная метафизическая или моральная абстракция сравнивается с доступным для сенсорного восприятия физическим объектом» [Потебня 1990: 286–287]. Представляется, что слова апостола Павла из «Послания к евреям» о том, что люди в меру религиозного опыта и духовного совершенства нуждаются в разной «пище», можно использовать и как пример практики такого метафорического опредмечивания, и как собственно иллюстрацию его механизма. Ср.: «...всякий молоком питаемый, не сведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» [Евр. 5: 13–15].

Метафорическое опредмечивание как прием изобразительной речи становится яркой приметой индивидуального стиля мышления священника, который «репрезентируется в тексте единицами разных уровней, эксплицируется специальными или функционально ориентированными единицами» [Котюрова 2011: 180]. Наблюдения за речевым поведением «медийных батюшек» показывают, что это риторическое средство активно пользуют о. Артемий Владимиров, о. Андрей Ткачев, о. Савва Мажуко и др. Так, интерпретируя тезис «*В Боге все просто, мирно и прекрасно*», о. Артемий Владимиров призывает обратиться к молитве как способу установления связи с Богом на примере мистического опыта монахов, которые «*входят в сокровенную клеть собственной души и закрывают за собою створки дверей, удерживая чувства от внешних раздражителей...и мало-помалу в их сердцах и душах водворяется та священная ти-*

шина, то безмолвие, которые не покупаются и не продаются в нашем турбулентном мире». Пространственный образ клетки с наглухо закрытыми дверными створками позволяет наглядно представить молитвенное состояние души иночествующих и хотя бы отчасти помыслить о таких сложных богословских понятиях, как безмолвие и исихазм. Призывая верующих встать на молитву, священник описывает благодатное состояние ума, который *«бывает прост и безвиден, не обременен мечтательными образами, не захвачен в плен фантазией, а сердце напоминает собою поле по осени, уже перепаханное, отдыхающее».* Таким образом, молитва, по мысли о. Артемия, является *«золотой путеводной нитью, крепко держа которую в руках мы обязательно выйдем из темного леса на свет Божий, как расписные челны, выплывем на простор речной волны».* Природные образы-реалии (осеннее поле, темный лес, река и др.), естественные и близкие для повседневной жизни человека, максимально доступно нацеливают его на созерцание внутреннего духовного состояния.

Метафорическое опредмечивание, наряду с другими риторическими средствами, формирует пафос как персоналистическую и как психологическую категорию, раскрывающую индивидуальность оратора, оригинальность его мышления, новизну, детализацию разработки темы и формы речи [См.: Рождественский 1997], характер и направление его замысла, связанного с волевым усилием и образующего мысль-воление как отношение риторика к цели речи [Волков 2001]. Если пафос речей о. Артемия Владимировича в большей степени возвышенно-романтический, то, например, пафос речей о. Андрея Ткачева можно назвать реалистически-брутальным, например: *«Прежде, чем идти на сияющие высоты христианских добродетелей, необходимо научиться здороваться с людьми на улице. Прежде, чем бросить курить, необходимо научиться окурки бросать в урну, а не под ноги. Прежде, чем научиться читать Иисусову молитву устами и в уме, надо постараться сморкаться в платок, а не, зажимая одну ноздрю пальцем, ближнему на ботинок. Закон духовный гласит нам, что без маленького большого не существует. Нужно заточиться, препоясаться и застегнуться, приготовившись к длиннейшей незаметной работе, начиная с самых простых вещей. Тогда начнется постепенный путь к обретению смысла и глубины во всем остальном... Так, от меньшего к большему — глядишь, до чего-то человек перед смертью и дойдет.* Ключевая метафорическая оппозиция «высокое – низкое» создается опредмечиванием образов небесной высоты (*христианские добродетели, Иисусова молитва*) и земной грязи (*окурки, урна, сморкаться*). Их антагонизм рождает в человеке духовно-волевые усилия, эксплицированные переносным словоупотреблением глаголов *заточиться, препоясаться, застегнуться*, которые в религиозном контексте формируют образ воина Христова.

Метафорическое опредмечивание является эффективным риторическим приемом, направленным на раскрытие замысла говорящего, моделирование нормы, образца в их отталкивании от антинормы и антиобразца, создание аксиологически выверенной модальности религиозной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А. А. Курс русской риторики. М. : Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001.
2. Котюрова М. П. Роль сочинительных рядов в научном тексте в плане речевой индивидуальности ученого // Вестник КемГУ. № 4 (48), 2011. С. 180-183.
3. Кант И. Сочинения в 8 т. / Под общей ред. проф. А. В. Гулыги. Т. 8. М., 1994.
4. Кожемякин Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznym-diskurs-metodologiya-issledovaniya/viewer>
5. Москвин В. П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов н/Д : Феникс, 2008.
6. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991.
7. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М. : Высш.шк., 1990.
8. Послания апостола Павла: Послание к евреям // Библия. М. : Российское Библейское Общество, 1996.
9. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М. : Добросвет, 1997.
10. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф. дисс... д-ра филологических наук, СПб., 2012.

Яо Цзясюй
аспирант

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ГРЯЗЬ*

Лексема *грязь* в современном русском языке имеет переносное отрицательное значение «4. *перен.* Безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях» [ТСРЯ 2007: 175]. Наша гипотеза: лексема *грязь*, употребляясь в составе фразеологических оборотов, сохраняет данное значение и придает фразеологизму в целом тоже отрицательное переносное значение. Для проверки гипотезы мы взяли тринадцать фразеологических словарей со-

временного русского языка и выбрали фразеологические обороты с компонентом *грязь*. Выборка составила двенадцать фразеологизмов.

При анализе мы обнаружили неоднозначную картину. Оценочными являются одиннадцать фразеологизмов. Фразеологизм *месить грязь* является нейтральным, демонстрируя специализированное значение глагола *месить*, который в соединении с лексемой *грязь* имеет значение «идти по грязи». Ряд фразеологизмов с отрицательной семантикой *бросать / забросать / закидать / обливать / поливать грязью* синонимичны и означают «оскорблять, порочить, чернить».

Две группы фразеологизмов вступают друг с другом в антонимические связи. Первая группа: *ударить в грязь лицом* и *не ударить в грязь лицом*. Вторая группа: *втаптывать / втоптать в грязь* и *вытащить из грязи*. Исходным для фразеологизмов была отрицательная семантика: *ударить в грязь лицом* и *втаптывать / втоптать в грязь*. Отрицательная частица *не* в одном обороте и употребление глагола с антонимичным значением *вытащить* в другом изменили семантику фразеологизма на противоположную – положительную.

Кроме этих двух пар, в нашей выборке встретились два фразеологизма: *как грязи* и *(выйти) из грязи в князи*. Их значение особенное, сложное, так как, на первый взгляд, они имеют положительный смысл, но при дальнейшем анализе мы понимаем их отрицательную семантику. Например, фразеологизм *как грязи*, указывает на большое количество кого / чего-либо, что превышает норму, поэтому такой большой ресурс не воспринимается как ценность и представляется чем-то ненужным, неприятным. Фразеологизм *из грязи в князи*, означает, с одной стороны, добиться высокого положения в обществе, богатства, с другой стороны, жизненные успехи обычно достигнуты или очень быстро, или нечестным путем. В словаре этот фразеологизм имеет помету *неодобр.*

В целом наша гипотеза подтвердилась: большинство фразеологизмов опирается на отрицательную семантику лексемы *грязь*, но возможности употребления переносного значения слова *грязь* в составе фразеологизма шире: мы встречаем фразеологизмы с антонимичным положительным значением и устойчивые единицы со сложной семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением данных о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007.